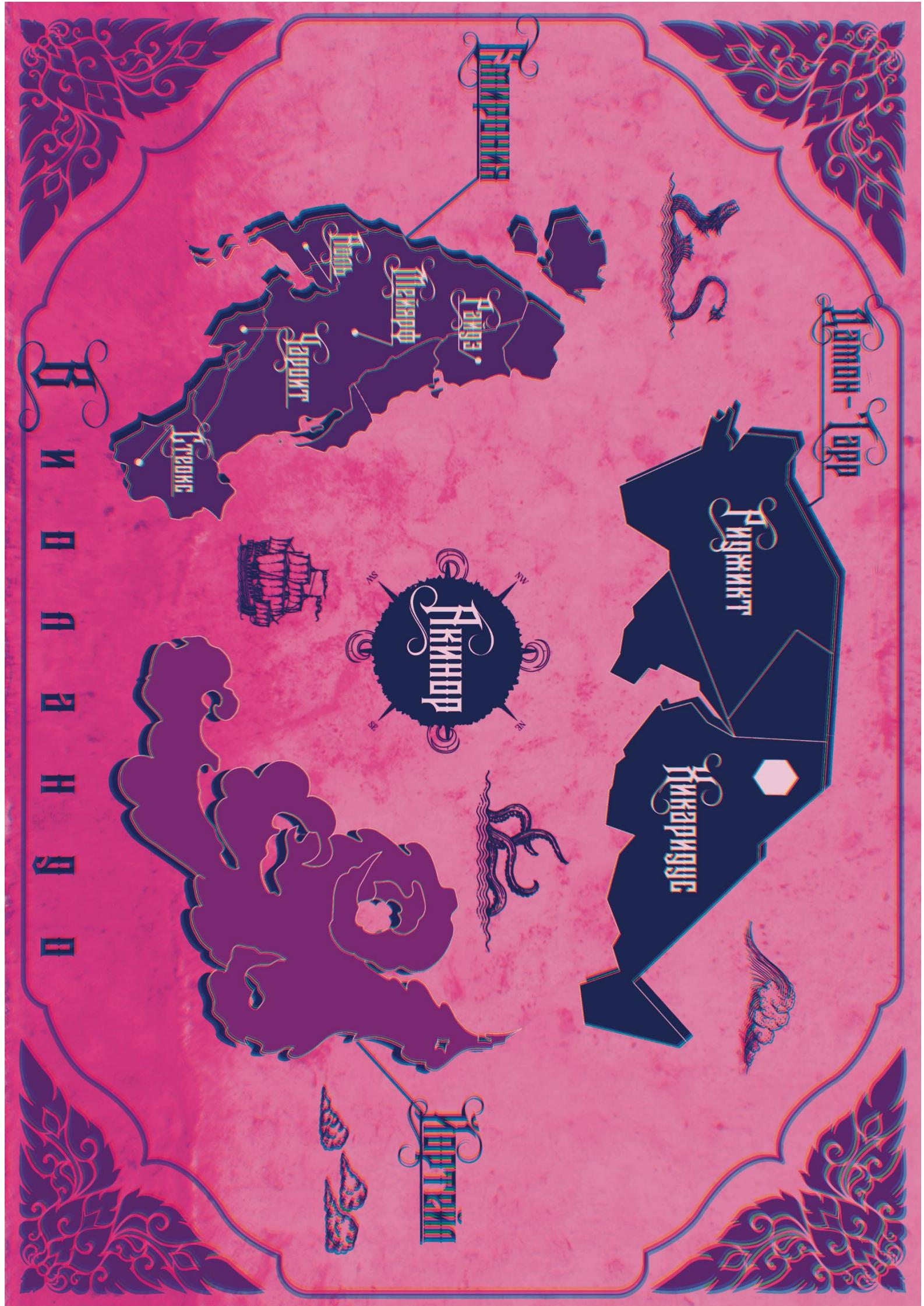

22 слоя

ДИЛЕММА ДИСКОБРАЗОВ

22 Слоя

Дилемма Дискообразов; — Невесть, Издательство «Выворот-нашиворот», 2Х2Х год. — 424 с.

Эта история — неизбежная катастрофа двух сердец и отчаянная попытка её предотвратить. Пока Волчонок всё мечтает об ароматном чае, я вдыхаю дым и гадаю под каким углом отсекать голову великому божеству. Общего между нами меньше, чем между мармеладной гусеницей и затхлой папиросой, но всё равно я втянул её в то, что и приключением не назовёшь.

Ступаем вроде в унисон, но Волчонок видит во мне романтичного курильщика, я в ней — без пяти минут покойницу. Она любит этот мир, а я — презираю и прячусь от него в искусственную реальность с яркими отнями. Я ем с ней пряники, шучу, любезничаю, а потом стою над её шеей, чтобы оборвать хрупкую жизнь.

Говоря искренне, это история о чистых сердцах и том, кто их безвозвратно уродует. О неполноценном человеке, который всегда хочет как лучше, но оставляет за собой лишь пепелище. О закомплексованном Жучкё, который кидает клятвы на ветер и знает, когда нужно бить в спину так, чтобы насмерть. Эта книга обо мне и моём отсутствии. Только дело в том, что я терпеть не могу говорить искренне.

Потому клянусь жизнью своей, что это история о паре дураков и их тёплом приключении с небольшими сложностями, только и всего.

МОЯ ВСЕЛЕННАЯ

МОЙ ИНСТАГРАМ

22_LAYERS_OF_ME

Дизайн: @gt.svl (Instagram)

Иллюстрации: seagulllike / gt.svl / ariruchi (Instagram)

Редактура и корректура: angel.valeriiivna (Intagram)

Все изображения нарисованы вручную без использования АИ

© 2Х2Х by 22 Layers. All rights reserved.

©Перевод на Йетрагге-янтэ ООО Издательство «Выворот-нашиворот», 2Х2Х

Права на издание получены по соглашению с 22 layers. Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в Дамон-Тарре в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельца авторских прав.

ООО «Выворот-нашиворот», Эмирония, Невесть, переулок Хемалион 50/50

22 СЛОЯ

ДИЛЕММА ДИСКОБРАЗОВ
(ОТРЫВОК ДЛЯ ОЗНАКОМЛЕНИЯ)

ЭТО ПРОИЗВЕДЕНИЕ — ОДНА ИЗ ТРЕХ КНИГ ЦИКЛА “АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ЧУВСТВ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ”. НИЖЕ ВЫ НАЙДЕТЕ ПЕРЕЧЕНЬ КЛЮЧЕВЫХ СОБЫТИЙ ВСЕЛЕННОЙ В ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ.

1. АМАЛЬГАМА

ПРОЦЕСС, КОТОРЫМ НАЗЫВАЮТ СЛИЯНИЕ ЧЕТЫРЕХ РАЗНЫХ НЕБЕСНЫХ ТЕЛ, ПРИВЕДШИЙ К ПОЯВЛЕНИЮ НОВОЙ ПЛАНЕТЫ, КОТОРАЯ НАЗЫВАЕТСЯ ВИОЛАНДО.

1-ЫЙ ГОД НОВОЙ ЭПОХИ

2. СКРЕЖЕТ

АНОМАЛЬНОЕ СОБЫТИЕ МИРОВОГО МАСШТАБА, ПРИВЕДШЕЕ КАК К ГИБЕЛИ БОЛЬШОЙ ЧАСТИ НАСЕЛЕНИЯ, ТАК И К ПОЯВЛЕНИЮ У ЛЮДЕЙ НОВОГО ВИДА ЭНЕРГИИ — АМАРАНТИНА.

48-ОЙ ГОД НОВОЙ ЭПОХИ

3. МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ КОЛОКОЛЬЧИК

МОЯ ВТОРАЯ КНИГА. ЭТО ПРОИЗВЕДЕНИЕ — ОТВЕТВЛЕНИЕ ОТ ОСНОВНОГО СЮЖЕТА И ЕГО МОЖНО ЧИТАТЬ БЕЗ ПРИВЯЗКИ К ДРУГИМ КНИГАМ.

49-ОЙ ГОД НОВОЙ ЭПОХИ

4. ОРТОРУС

НА ЮГЕ СТЕОКСА ЗАВЕРШАЕТСЯ СТРОИТЕЛЬСТВО ЗАМКА, КОТОРЫЙ СТАНОВИТСЯ ДОМОМ ДЛЯ ПЕРВЫХ ЖИТЕЛЕЙ.

50-ЫЙ ГОД НОВОЙ ЭПОХИ

5. БЕСКОНЕЧНОСТЬ, ПЛЮС-МИНУС

МОЯ ПЕРВАЯ КНИГА. ПЕРВАЯ ИСТОРИЯ, КОТОРАЯ СВЯЗАНА С ОСНОВНЫМ ЦИКЛОМ. ПОМОГАЕТ ЛУЧШЕ ПОНЯТЬ КОНЦЕПЦИЮ МИРА И СОБЫТИЯ ДРУГИХ РАССКАЗОВ.

54-ЫЙ ГОД НОВОЙ ЭПОХИ

6. ТРАУР/ПРАЗДНИК В СЕМИ ЦВЕТАХ

МОЯ ТРЕТЬЯ КНИГА. ЭТА ИСТОРИЯ — ОТВЕТВЛЕНИЕ ОТ ОСНОВНОГО СЮЖЕТА И ЕГО МОЖНО ЧИТАТЬ БЕЗ ПРИВЯЗКИ К ДРУГИМ КНИГАМ.

55-ЫЙ ГОД НОВОЙ ЭПОХИ

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ЧУВСТВ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

57-ЫЙ ГОД НОВОЙ ЭПОХИ

ДИЛЕММА ДИСКОБРАЗОВ

МОЯ ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА, КОТОРУЮ МОЖНО ЧИТАТЬ НЕ ОЗНАКАМИВАЯСЬ С ОСТАЛЬНЫМИ ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ,

ДИХОТОМИЯ, ПЛЮС-МИНУС

СКАЗКОЮ ЕДИНОЙ

БУДУЩЕЕ ТВОРЧЕСТВО ИСТОРИИ, КОТОРЫЕ ОТКРОЮТСЯ СЛОЙ ЗА СЛОЕМ.

ОТ АВТОРА

Я представляю творчество как коллективное бессознательное — пространство с миллионами зеркал, каждое из которых направлено в свою сторону. Они хранят разные изображения в себе, мимо которых одни не задумываясь пройдут, другие же остановятся, чтобы всмотреться повнимательнее. Но каждый в этом пространстве найдёт свои отражения, свои наполнения и смыслы.

Моя цель в творчестве, которое я создаю — оставаться собой, позволить читателю взглянуть на мир моими глазами и эмоционально пересечься с ним в одном из зеркальных отражений. Я придерживаюсь мнения, что эмоциональное способно соединять людей часто сильнее, чем физическое нахождение рядом.

Чувства человека были созданы вместе с ним, но каждая форма, которую им придаёт человек — неповторима. Формы эти могут быть похожи между собой, но никогда не будут точной копией чьей-то истории. Всю свою жизнь я буду восторгаться тем, что в творчестве разные люди способны найти вдохновение и свою историю в том, что создал незнакомый им человек.

Я не удивляюсь тому, что люди могут не понять чьё-то творчество, но каждый раз радуюсь, когда моё становится кому-то интересным. Эта история, как и всё, что я создаю — одно из зеркал, мимо которого кто-то пройдёт не глядя, а кто-то рассмотрит куда больше, чем надеялся.

А в зеркалах этих вся моя жизнь.

ТРЕЗАМИКА

Мы — дети рода эмиронского. Как и остальные, мы носим благое проклятие человеческого бытия: мы любим и теряем, совершаём ошибки, но не перестаём грезить и верить в чудеса. Сердца наши часто противостоят разуму, а потому мы никогда не перестанем лить слёзы, которые сможет понять лишь другой человек и никто иной. Но мы, дети западного материка, отличаемся верой, которую носим уже не одно столетие.

Наши сердца опоясано восемью божествами, которых мы зовём *Вездесущими*. Они — это тот удивительный мир, что нас окружает: цветение и смерть, ливни со штилями, грёзы с явью, трагедии и чудеса — Вездесущие с нами повсюду и всегда. Как новорожденный привязывается к материнскому запаху, так мы связаны с ними, и нет среди рода нашего тех, кто вспомнит о Вездесущих с безразличием или злобой.

Они создают естественный ход вещей вокруг нас, а мы питаем их своей верой и молитвами. Потому я стою на коленях — руки мои сложены, а сердце трепещет. Лишь думаю о четырёх лучистых божествах, и по коже пробегает весна. Знаю, что много светлого ещё впереди и я обязательно вкушу каждый лучик, каждый счастливый момент. И только мысли переключаются на четырёх плотных божеств, как сердце моё покрывается коркой. Я понимаю — впереди целая жизнь. Эта непростая, непредсказуемая жизнь с ошибками, падениями и трагедиями. Но как деревья стоят даже в самую суровую осень, чтобы потом расцвести, так выстою и я.

Я верю в светлую эпоху и счастливое будущее для каждого из нас. Вы, дети иных земель, думаете, что Трезамика — это лишь слепая нерациональная вера в восемь сущностей, но наших сердец вам не расшифровать. На самом деле это о том, чтобы заставить своё сердце отстукивать как можно громче. И моё сейчас стучит так, что аж уши закладывает.

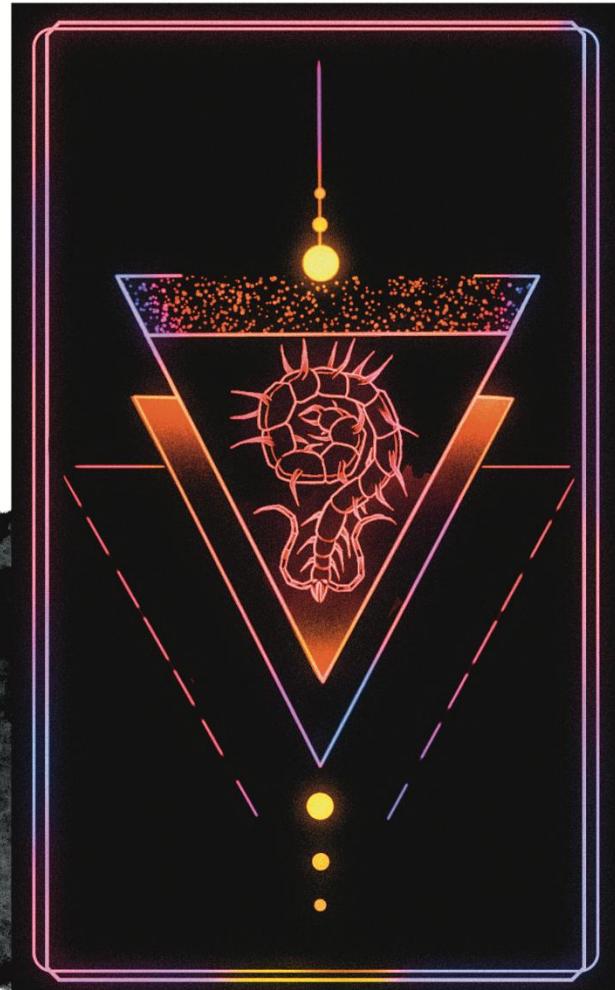

ЦЕТАЛЬ (БЕСКРАЙНЯЯ)

ПЕРВОЕ ЛУЧИСТОЕ БОЖЕСТВО. ОНА – ЭТО ВСЁ ПРИРОДНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ЕСТЕСТВЕННАЯ КРАСОТА, КОТОРЫЕ НАС ОКРУЖАЮТ. БЕСКРАЙНИЕ НЕБЕСА, ПОЛЯ, ХИЩНЫЕ ПУСТЫНИ, ГОРЫ И ЧАРУЮЩИЕ ЛЕСА – ВОТ ТО, ЧТО НЕСЁТ В СЕБЕ ПЕРВАЯ ЛУЧИСТАЯ БОГИНА.

САЙРРО (НЕЗРИМЫЙ)

ПЕРВОЕ ПЛОТНОЕ БОЖЕСТВО. САЙРРО – ЕЁ ПРОДОЛЖЕНИЕ И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ ОБРАТНАЯ СТОРОНА. ОН – ЭТО САМАЯ СОКРОВЕННАЯ ТАЙНА, ДНО ОКЕАНА И БЕСКОНЕЧНОСТЬ КОСМОСА. В НЁМ ВСЁ ТО, ЧТО ЧЕЛОВЕКОМ ЕЩЁ НЕ ИЗВЕДАНО.

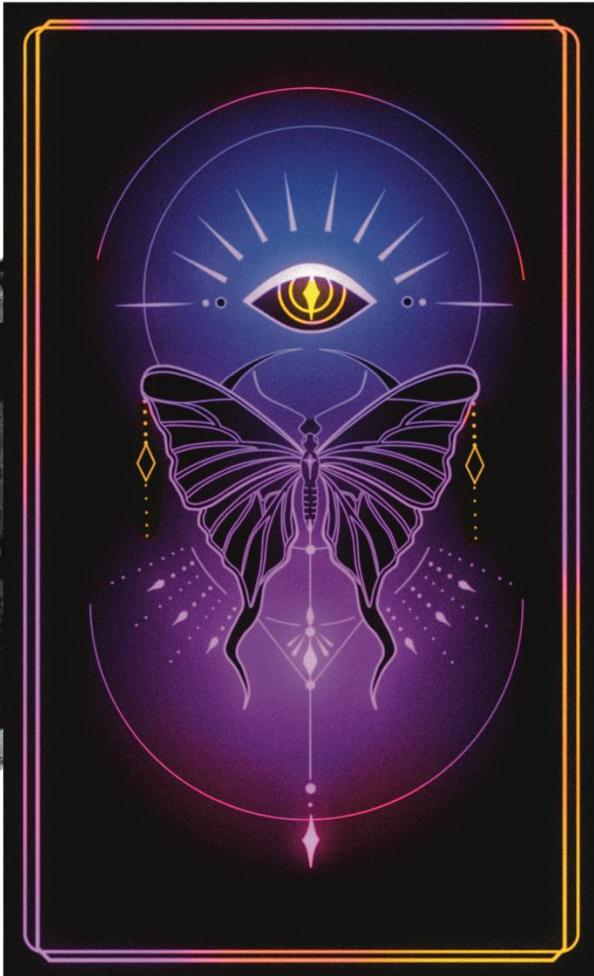
АДМОЭ (НЕПРЕРЫВНЫЙ)

ВТОРОЕ ЛУЧИСТОЕ БОЖЕСТВО. В НЁМ САМО ВОПЛОЩЕНИЕ РИТМА. А РИТМ – ЭТО ТОЛПЫ ЛЮДЕЙ И СТАИ ЖИВОТНЫХ, ЭТО ДВИЖЕНИЕ, СЕРДЦЕБИЕНИЕ, ПОЛЁТ, ПОГОНЯ И ЗАРОЖДЕНИЕ НОВОЙ ЖИЗНИ. АДМОЭ – ТОТ ЕСТЕСТВЕННЫЙ ХОД ВЕЩЕЙ, КОТОРЫЙ ДЕЛАЕТ НАШУ ПЛАНЕТУ ПО-НАСТОЯЩЕМУ ЖИВОЙ.

ФОЛЕСТА (АБСОЛЮТНАЯ)

ВТОРАЯ ПЛОТНАЯ БОГИНЯ, ЧТО СИМВОЛИЗИРУЕТ РАСПАД В ЧИСТОМ ЕГО ВИДЕ. ОНА – СИМВОЛ ТОГО, ЧТО ДВИЖЕНИЕ, РИТМ, ЛЮБАЯ ЖИЗНЬ И ДАЖЕ ВЕЗДЕСУЩИЕ ИМЕЮТ СВОЙ КОНЕЦ – ВОТ, О ЧЁМ СТОИТ ПОМНИТЬ ПРЕЖДЕ ВСЕГО.

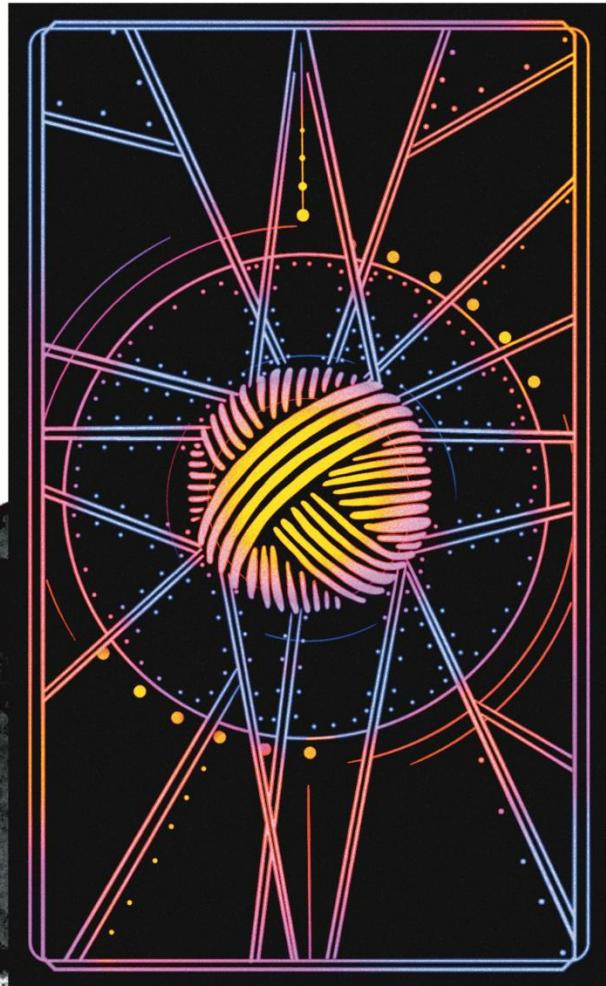
ЛЕТАРО (ПОСТИГАЮЩИЙ)

ТРЕТЬЕ ЛУЧИСТОЕ БОЖЕСТВО. ОН – САМО ВОПЛОЩЕНИЕ ВОСПРИЯТИЯ, ВЕДЬ БЛАГОДАРЯ НЕМУ МЫ ГОЩУЩАЕМ ЭТОТ МИР МНОГОГРАННО. КАЖДАЯ ЭМОЦИЯ В НАС, КАЖДЫЙ НОВЫЙ ВКУС, ЗВУК И КАСАНИЕ – ЭТО МАЛЕНЬКИЕ ЧУДЕСА, КОТОРЫМИ ЛЕТАРО ОДАРИЛ ВСЕХ СМЕРТНЫХ. БЛАГОДАРЯ НЕМУ МЫ РАЗЛИЧАЕМ ВСЕВОЗМОЖНЫЕ ЦВЕТА, ОБРАЗЫ, ЗАПАХИ, И ПОРОЙ ДАЖЕ ТО, ЧТО ВЫХОДИТ ЗА РАМКИ ОРГАНОВ ЧУВСТВ.

АЛЬДОРАКСИДА

(РЕЗОНИРУЮЩАЯ)

ТРЕТЬЕ ПЛОТНОЕ БОЖЕСТВО. ЕСЛИ ЛЕТАРО СИМВОЛИЗИРУЕТ СВЯЗЬ ЧЕЛОВЕКА С МИРОМ, ТО АЛЬДОРАКСИДА ЯВЛЯЕТ СОБОЙ СВЯЗЬ МИРА С ЧЕЛОВЕКОМ. ОНА – ЭТО ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ В САМОМ ШИРОКОМ СМЫСЛЕ: РОДИТЕЛЬСКАЯ ЛЮБОВЬ К РЕБЕНКУ, БОГАТСТВО УРОЖАЯ ОТ ДОЖДЕЙ ИЛИ СМЕРТЬ ТРАВОЯДНОГО ОТ ХИЩНИКА – ВСЁ ЭТО СОЕДИНЕНИЕ НЕВИДИМЫХ НИТЕЙ.

НОКСЕО (ПРЕДВЕЧНАЯ)

ЧЕТВЕРТОЕ ЛУЧИСТОЕ БОЖЕСТВО. ОНА – ЭТО ЯВЛЕНИЯ ИЗ РЯДА ВОН ВЫБИВАЮЩИЕСЯ. РВЕНИЕ К ЖИЗНИ НА ГРАНИ СМЕРТИ, ОТКОРОВЕННЫЕ ЧУДЕСА И ОПРОВЕРЖЕНИЕ ПРИВЫЧНЫХ ЗАКОНОВ. НОКСЕО – ЭТО ТА РЕДКАЯ ИСКРА ВНУТРИ, НЕОБЪЯСНИМАЯ И НЕЖДАННАЯ, НО ПОИСТИНЕ УДИВИТЕЛЬНАЯ.

ЛОЙТЭ (ИНОЙ)

ЧЕТВЁРТОЕ ПЛОТНОЕ БОЖЕСТВО, ЛОЙТЭ, ЯВЛЯЕТСЯ ПОКРОВИТЕЛЕМ ГРЁЗ И СНОВ. ОН СИМВОЛИЗИРУЕТ НЕ ТОЛЬКО МЕЧТЫ, НО И ОТДЕЛЬНЫЙ ЗАГАДОЧНЫЙ МИР, ИСПОКОН ВЕКОВ СВЯЗАННЫЙ ПРАКТИЧЕСКИ СО ВСЕМИ ЖИВЫМИ СУЩЕСТВАМИ НА ПЛАНЕТЕ. СОН, КАК И СМЕРТЬ, НЕИЗБЕЖЕН, ВЕДЬ В НЁМ НЕИЗБЕЖНО ОКАЗЫВАЕТСЯ КАЖДЫЙ.

Предисловие

В 54-ый год новой эпохи главный персонаж серии “Плюс-минус”, **Мия**, прибывает в замок Орторус, что становится её домом. Здесь она встречает множество людей со своими индивидуальностью, особенностями и мечтами, после чего решает искать свой путь, свою жизненную дорогу и то, что зовётся “Бесконечностью”.

Двое из этих людей — Эйдан и Тесс. Первый — молчаливый и закрытый молодой человек, что часто говорит витиевато, подолгу сидит в своей комнате и видит пророчества, что нашёптывает ему голос в голове.

Вторая — рассеянная девушка, которой с животными и природой часто общаться легче, чем с незнакомыми людьми.

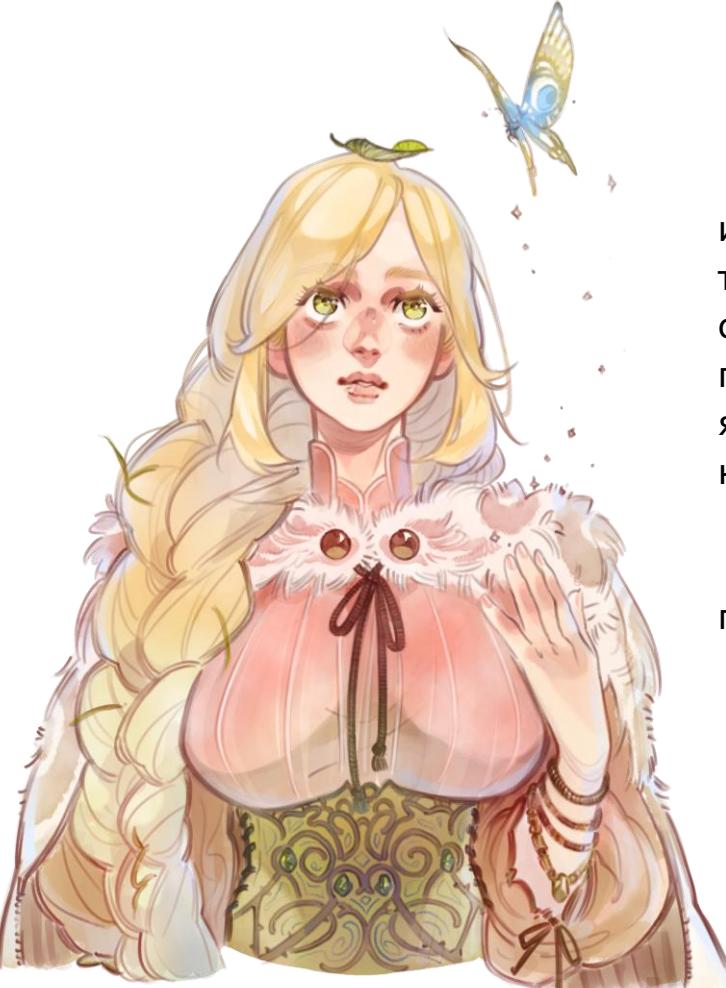
В 57-ом году новой эпохи Мия отправляется навстречу голосу, который зовёт её. Дорога лежит за непонятные даже учёным цветные облака, что застыли в небе почти десятилетие назад, подарив людям особые способности, называемые “ароматами”.

Это приключение развивается параллельно двум остальным историям.

“Дilemma дискообразов” — это одна из трёх историй, которые переплетены в серию “Амбивалентность человеческих чувств”. Все три книги взаимосвязаны и происходят в одно время от лица разных персонажей. Если что-то вам показалось недосказанным, знайте, что целиком секреты раскрываются лишь при прочтении каждой из историй.

И хоть **“Дихотомия, плюс-минус”** — прямо продолжает “Бесконечность, плюс-минус” и раскрывает основополагающие события Виоландо, именно в сочетании двух остальных книг серии раскрывается вся полнота картины.

Книги из цикла “Амбивалентность чувств человеческих” можно читать в любой последовательности. Приятного погружения.

ВОЛЧОНОК

Кому-то достались лесные глаза и мысли о море. Она касалась тепла из центра и не знала, что существует за его пределами. Ей подарили холодные конечности, яркую фантазию и горячее сердце, которое ни разу её не подводило.

И в этом наследстве улыбка её и простодушие.

ЖУЧОК

Кому-то достались крылья из недокуренных папирос и жизнь на несколько тысяч затяжек. Он проскользил ми мо тепла по касательной, но внутрь так и не заглянул. Ему завещали тайны, что были ненавистными, но неизбежными, а вместе с ними — хроническое удушье.

И в этом наследстве его печаль и слёзы.

ГЛАВА 25. КАИН УБИВАЕТ КАИНА

Я знаю. Знаю, что скоро наступит момент, когда величайшее из божеств снизойдет к людям и примет хрупкую физическую оболочку. Зрачки тысяч людей расширятся от увиденного, а невидимая всемогущая рука одновременно коснется голов каждого из наблюдателей. Их сердца будут биться подобно дятловому клюву об древо, они ощутят крылья за спиной и желание оторваться от земли. Трое суток будет лить дождь, а после человечеству во плоти явится Сайрро, именуемый Незримым. Я буду одним из тех, кто станет свидетелем богоявления и настоящего чуда. Само воплощение гроз, океанского дна и свирепых наводнений, этот Вездесущий принесет с собой тайну, ведь вся его природа соткана именно из неё. Сайрро не разомкнёт уста, чтобы ронять слова, не обратится к толпе, но передаст всё через одно длительное касание невидимой руки. Немыслимый, прекрасный и воистину незримый, он расскажет тайну человеческому роду, а его появление станет событием незабываемым для каждого.

И в этот самый момент, когда божественное коснётся человеческого, я отсеку богу голову. Я умертвлю его и лишу наш мир куда большего, чем дивного силуэта перед тысячеликой толпой. Когда голова Вездесущего упадёт на пол, я заберу с собой секреты и естественный ход вещей, заберу хладный норов природы и заставлю её ненавидеть род людской. Это я одним движением поставлю крест на той жизни для всех нас, которой мы наслаждались веками. Это я заберу у людей и Вездесущих того, кто приносит тайны и откликается эхом в сердцах миллионов. Я украду молитвы и спокойствие, украду момент, эпоху и здравый смысл.

И всё равно я рассмеюсь. Только бездыханное тело Вездесущего рухнет, только пойму, что лишил жизни целое божество, я

расхохочусь как ненормальный. В этот момент я буду счастлив, пусть и утоплю весь мир в хаосе и трагедии. И миг этот наступит несмотря ни на что. Я знаю это ясно, подобно тому, что захочу дышать, если сожмут моё горло, подобно неизбежному желанию воды или сна. Мне хватит смелости отсечь голову и назад я уже не поверну.

Ты только дождись, человечество, когда я выверну знакомый тебе мир наизнанку. Этот момент абсолютно точно наступит, потому остаётся считать часы, надеяться на лучшее, верить в наивное, но помнить — я отниму жизнь божества и переверну твою. Я погружу тебя в такую темноту, которой ты ещё не видело. И ни одно другое божество, каким бы великим оно ни было, мне не помешает — клянусь всей своей кровью, душой и сутью.

Но время ещё не пришло. Пока я наслаждаюсь диско: проветриваю свою голову, чтобы не думать о том, как рублю чужую. Утопаю в миллионах огней беззаботности и сочувствую тем, кто о диско знать не знает. А мне вот повезло — достаточно сжать большой и указательный пальцы посильнее и вдохнуть гарь, которая повалит меж ними. И тогда не тошнота к горлу подступает, а счастье в голову бьёт. Я смотрю на диско-шар и понимаю, что светит он не хуже солнца.

Поэтому решающее слово будет за мной. Я снесу голову божеству и буду играть и с огнём, и на нервах, и даже в ящик, если понадобится. Но пока единственная игра, что мне под силу — молчанка.

ГЛАВА -1. ТИХИЙ И БЕЗОБИДНЫЙ

ЖУЧОК

Если история должна начинаться с первой главы, то не стоит идти у истории на поводу. Раз есть что важного сказать, но это ещё не часть чего-то большого — не нужно заштопывать себе рот, сразу переходить к главному и экономить слова. Оттого появляются предисловия, нулевые и даже минус первые главы.

Вот, например, человек, шутник, куряга, тихоня, грубиян, сам себе и лекарь, и пациент, что выбирает пилюли на глаз и пьёт в случайных количествах. Его несёт течение жизни и чудом носит земля, пока единственное, что способен нести он сам — это чушь и бремя.

У человека этого был любимый цвет — мягкий голубой оттенок, которым его затхлая комнатушка была обклеена со стен и до потолка. Может, нежным цветом он успокаивал остатки нервов, что расшатывались всё больше и больше, словно молочные зубы. Может, просто прятал за красивыми обоями тайны так же умело, как умел прятать мерзкий табачный дым в своих лёгких. Эйдан, этот человек из комнаты, не ломал бы голову над такими вопросами — подкинул бы монетку, и выбрал бы ответ в зависимости от стороны. Ему-то самому говорить часто нечего, а вот о нём что сказать хватало.

Он слышал одним из тех, кому было плевать на большие истории. Эпопея, судьба человечества, миллионы жизней на кону — всё это совершенно мимо и не о нём. Масштаб его историй был совсем крохотным. На планете Виоландо был материк, на том — город-государство, на юге которого стоял замок. И даже так — слишком масштабно выходило. Эйдан жил в комнате на четвёртом этаже этого замка, пол которой был забросан подушками, и стены заклеены голубыми листами. Где-то на других этажах жили дорогие ему люди, каждый со своей историей, принципами и решениями. И чтобы узнать о них, нужно было выходить из комнаты и увеличивать масштаб истории. Но шепот в голове говорит:

— Какая же нелепая глупость.

— Да. Мне и моей комнаты хватает, — соглашался Эйдан.

Быть домоседом — непозволительная роскошь, ведь когда в распоряжении весь дом (или, глядишь, целый замок), то не так уж ты прячешься от внешнего мира. В моменты обострений Эйдан был заядлым комнатоседом, причём даже в комнате северная часть, та, что подальше от двери, была его любимой. Эйдан лишь сидел и думал, как одной сахаринке повлиять на вкус целой чашки чая, как превратиться в птичий клин одной-единственной птице, как стать полем, будучи одиноким цветком, и как такой маленький псевдочеловек как он, сможет отсечь голову великого божества.

ГЛАВА -0,5. ВОЛЧОНОК

И ОПЯТЬ ЭТОТ ЖУЧОК

Эйдан считал себя неотъемлемой частью любимого замка, но никак не отдельной единицей. Всего их в замке было двадцать один, и он — строго одна двадцать первая, но никак не один. Даже объясни ты ему про индивидуальность, вычеркни других людей и целый день говори про его неповторимость и уникальность, он только сделает вид, что поймёт.

— У тебя есть проблемы, как и у всех нас. Но ты личность, Эйдан, — не раз говорил ему самый близкий его друг. — В первую очередь человек, а не довесок замка. Не одна двадцать первая, а единица, понимаешь?

— Конечно, — отвечал тот расслабленно. — Спросил бы что посложнее.

— Тогда напиши. Напиши это на бумаге, пожалуйста.

И Эйдан, вместо гордой и красивой цифры “один” выводил:

1/1.

Он не понимал, в чём здесь ошибка, ведь результат-то выходил одинаковый. Но 1/1 и правда больше описывала его природу и суть. Его разум был разделён именно в этой пропорции, где каждая единица — полноценная личность. У Эйдана было одно тело, но сознание было расколото на две равноценные половины. Давно в нём поселился разум куда более хаотичный и полноценный, чем он. Он не вытеснял личность и сознание Эйдана целиком, хотя тот был уверен, что мог бы. Но нет — однажды он заполнил собой пустоголового человека ровно наполовину, затёк во все полые щели и без слов дал понять, что он здесь навсегда. Эйдан пришёл в замок уже таким — настолько располовиненным, насколько мог быть располовинен живой человек. Тогда парень протянул свою руку

основательнице этого места, прочистил горло, чтобы назвать своё имя и неожиданно для себя выпалил:

— Ошитсунэ.

Вторую сторону Эйдана звали именно так. Именно тогда, из-за этого неподконтрольного случая, парню впервые показалось, что они с Ошитсунэ, конечно, полностью равнозначны, но Ошитсунэ поравнозначнее будет.

ВОЛЧОНОК

Облака проплывали над головой, а Волчонок лежала на крыше, жевала мармелад и была уверена, что они любуются ею так же, как и она ими.

После плотного завтрака все в замке разбрелись — сегодня многим хотелось побывать наедине с собой. Как ни люби дорогих людей, сколько с ними ни вой от веселья, но и от них порой приходит пора отдыхать. Волчонок всерьёз думала, что облака в этом похожи на людей — порой отделяются от одного потока ваты, и висят высоко в небе одиноким пятнышком. Возможно ли, что оно так же лежит у себя на небе и наблюдает за толпами людей, что бродят по земле?

— Ну и людячит сегодня, — подумала Волчонок, представляя себя уставшим облаком. — Повыходили кучками, плывут себе куда-то на своих двоих...

Не так давно дорогая её сердцу Мия отправилась в экспедицию прямо сквозь дивные и неподвижные облака в небе, но у Волчонка планы были куда менее крупные. Вечером она планировала поехать в родной край и устроить родителям сюрприз, только и всего. Небольшое личное приключение длиной в несколько дней приятно щекотало внутри, как будто колоском кто-то игрался.

— Сперва нужно связаться с извозчиком. Но перед этим вещи собрать. А ещё перед ним искупаться хорошенъко. Но прежде всего — нормально поесть. — Она выстраивала план в обратном порядке.

Мысли плыли безостановочно, но медленно и расслабленно, прямо как облако в отпуске. День был совершенно спокойным. Как и ветер, и настроение, и ползущий по колену жук, и сегодняшний обед.

Из всех, кто сидел за столом, наверняка наелись все, особенно те, кто признался в этом вслух. Таких было много, потому и мысли

вокруг них крутились не долго. Куда интереснее были исключения — те, кто не пришли. Волчонок всегда норовила узнать причину, потому что с детства была уверена, что нарушенный аппетит — это крошечная, но всё же беда, а у каждой беды есть своя причина.

В этот раз в трапезную, не считая тех, кого в замке пока вовсе не было, не пришёл только один человек.

— Наверное, у Эйдана опять настроение бултышится, — подумала она и обратила внимание на сладости в руках.

Мармеладные гусенички в сахарной кислой пыльце были её любимой сладостью. Вилсон не любил свой марципан так, как Волчонок обожала блины, хороший крепкий чай и этих замечательных малышей.

У неё была целая куча не особо важных планов и с полтора десятка собеседников на весь замок. Будь на её месте другой человек, вообще кто угодно, он бы сказал про себя, что это так в духе Эйдана — есть позже остальных и отдельно от всех. Но Волчонок встала и оставила крышу, ведомая своими домыслами.

— Вдруг Эйдан сейчас голодный, только и думает, что о мармеладных гусеницах? У меня их с головой, а он сидит, молчит...

Из-за своей логики, которую в замке понимали далеко не все, на четвёртом этаже Волчонок не спустилась вниз. Она свернула в левое крыло и направилась к самой дальней двери в коридоре. А после вошла в комнату, пока даже не подозревая, что ни к каким родителям она уже не поедет.

ЖУЧОК

У него были карие глаза (у Эйдана?) и от рождения смуглая кожа (или Ошитсунэ?). Он не так часто расчёсывал свои (чьи?) волосы, носил флайо¹ нараспашку и часто ходил босиком. Жители замка приняли его (Ошитсунэ, все же?), каждый по своему.

Он был человеком с ампутированной свободой, но чтобы не плакать над своей инвалидностью, он пытался над ней смеяться. И этот человек (однозначно Эйдан) с каждым мог быть в меру искренним. Все его собеседники смотрели на чёрные капельки в его глазах, смеялись над шутками и однозначно слышали о диско, про которое он рассказывал даже насекомым на подоконнике. Кто-то в

¹ Флайо — верхняя одежда, популярная во всех уголках материка. Напоминает собой полуприлегающую накидку, но зачастую кроится из плотных тканей, а иногда и из кожи.

упор не видел отличий в поведении Эйдана и Ошитсунэ (какая разница?), другие же замечали разницу даже от того, как оттягивались уголки губ при улыбке. Один разум мог соскользнуть, и его подменяла другая сторона (но по сути же — едины?). Никто не кричал:

— Теперь это не Эйдан, теперь это Ошитсунэ говорит с тобой.

Но обычно всё происходило так глубоко в голове, что зачастую другие не замечали. Ошитсунэ называл себя Эйданом и не любил, когда его выводили на чистую воду или называли по имени. Знал, что при подмене слегка меняется тон и повадки, и всё пытался замаскировать даже крошечные отличия.

Эйдан и Ошитсунэ были самым взаимоневыгодным дуэтом, который только можно представить. Первый когда-то подвинулся и вместил ещё один разум в и без того нестабильное тело. Не мог не вместить, потому что Ошитсунэ его не спрашивал. С тех пор сожитель являл Эйдану знания — когда посредственные, когда необычайно редкие, но всегда без исключения хаотичные и правдивые. Не наваждения, не видения, а самые настоящие знания. Эйдан узнавал обо всём грядущем нехотя: что булка в хлебнице уже завтра зачарствует, что цены на масло зимой упадут, а родной человек со дня на день сломает пальцы, упав со склона. Остановить Ошитсунэ человеку было не под силу, потому оставалось лишь решать — шелуха это или нет, стоит ли знание вмешательства или пусть всё идёт своим чередом.

Среди череды дней один оказался особенным. Эйдан сидел и думал, как бы выскоблить из головы увиденное грядущее, пока Ошитсунэ жизнь готов был отдать, лишь бы оно не выскользнуло из памяти. Хотелось провести в этой комнате вечность, хотелось немедленно рвануть с места и действовать. Он собрал свой идиотский пазл почти тысячу раз, выкурил с сотню папирос, чтобы найти ответ или альтернативу, высуверлил взглядом с десяток дыр на каждой стене. Эйдан надеялся, что всё решится и без него, а Ошитсунэ не понимал, откуда хоть какая-то надежда в настолько безнадёжном человеке. И случилось так, что в немыслимо шаткий для них момент, в этой прокуренной конуре оказался гость. И только гость произнёс первое слово, как невольно стал частью маленькой истории, которая, как оказалось, куда шире одной крохотной комнаты. И Эйдан, и Ошитсунэ мгновенно поняли — план меняется.

ВОЛЧОНОК

Волчонок впервые пришла в замок уже после Эйдана. Они познакомились не в самый теплый и солнечный из дней, когда самым правильным решением было бы вернуться в свою комнату, попросить дополнительное одеяло и залезть под покров в надежде, что на следующее утро распогодится. Но Тесс не могла сдержаться и заглянула в домик на дереве, что росло на внутренней территории замка. Выглядел он слегка обветшало, но чудно, прямо как в Таратсуме, где дома строили прямо на деревьях. Она поднялась по лестнице наверх и поняла, что совсем не одна симпатизирует этому месту.

Возникла неловкая пауза двух людей, которые видели друг друга впервые в жизни. Молчание, а потом, ни с того ни с сего, анекдот. Не до колючек в животе смешной, едва забавный, скорее, но работу свою он выполнил на все сто — они разговорились, а не перебросились парой слов.

Тогда-то они и поняли, что каждый из них со своими причудами. Волчонок видела взъерошенного, криво сидящего молодого человека, который заперся от мира в домике на дереве, но открылся ей. Это был самый настоящий Эйдан, который болтал с такой же настоящей Тесс. Тогда они ещё не успели прослыть “Волчонком” и “Жучком”, но догадывались, их дуэт — что-то очень разное, противоречивое и оттого притягательное. Её волосы были солнечными, его — цвета шелковицы, ей досталась светлая кожа, а Эйдану — оттенок корицы. Даже глаза — те тоже отличались, и формой, и палитрой: ей достался цвет кожуры авокадо, Эйдану же — потускневшая косточка этого самого плода. Взволнованность заставляла её немного хмуриться, его — грызть ногти. Разнился и взгляд на мир, и форма улыбки, и даже то, что способно вызвать слёзы.

Прошел не один год. Она постучала в дверь и, перед тем как войти, взяла из пачки гусеницу с любимым медовым вкусом, чтобы именно ей и поделиться. В одинокой комнате пол настолько был завален подушками, что ни за что не увидишь его цвет. Пришлось медленно пробираться вперёд. Стены как всегда были прикрыты синими листами, а меж ними — широкий серый скотч, который их

соединял. Ещё окно, подоконник, и больше в этой комнате не было ничего примечательного.

— Привет, — бросила она, пока Жучок игрался со своим странным пазлом.

Тот был весь из треугольных кусочков, которые соединялись меж собой. Пазл слегка потертый, если касаться руками, и почти однотонный, если оценивать его глазами. Глупое развлечение — это пазл, что был и давно собранным, и несобираемым вовсе. Один из тысячи кусочков всегда был откреплен и, прежде, чем поставить его на своё место, Эйдан отделял случайный фрагмент рядом с недостающей частью. Только отсутствующий пазл переставал быть последним недостающим элементом, как тут же ложился на своё место. И так по кругу — сначала Жучок игрался с рамкой, а потом переключался на следующий ряд. Но брешь размером в один пазл была всегда, оттого эта картина складывалась сотни раз, но ни разу так и не сложилась полностью.

Она вырвала Жучка из цикла и вернула в реальный мир самым, как ей казалось, приятным вопросом.

— Смотри, хочешь медовую сахарную гусеничку?

ГЛАВА 0. Я и Я

ЖУЧОК

Чтобы описать жалящее черно-жёлтое жужжащее насекомое трёмя буквами, придумали слово “оса”. Сложнее описать что-то куда более многогранное — пшеницу, что заплетена в косу и пахнет чайными листьями, двух зелёных светлячков, что на свету переливаются любопытством и спокойствием. Редкую, но неподдельную улыбку, простодушие, сонливость и прогулки по лесам, из-за которых в приятно пахнущих и растрепанных волосах постоянно застревали веточки. Половник инфантильности, эмоциональную незрелость, лишь щепотку серьёзности, постоянно холодные пальцы, даже большой аппетит — это ведь тоже важно. И вот подумать только, такое неповторимое существо можно было описать всего четырьмя буквами:

TECC

Настолько полноценный образ человека, выраженный столь коротким и удобным словом, что будь в мире другие Тесс, Эйдан бы попросту отрицал их существование. Он не готов был верить, что у Виоландо может быть спутник помимо Йеталь, что светить может не Терсида, и что есть какая-то теоретическая другая Тесс. Протяни ему кто-то руку и представься этим именем, Эйдан через силу бы хохотнул, увел протянутую руку в сторону и сказал:

— Подделка, вот кто ты. А я с подделками бесед не веду, уж прости.

Для Эйдана она была настоящим человеком. Совершенно точно полноценной и неповторимой единицей, а не позорной 1/1.

Эта самая неповторимая Тесс зашла к нему, чтобы поделиться мармеладом, а заодно и рассказать о своём уезде к родителям. Она стояла перед ним, держа руки за спиной и покачиваясь с пяток на носки, а потом обратно.

Человеком Тесс была противоречивым — так же, как в Эйдане сочеталось хаотичное и чуть менее хаотичное, в ней переплетались едва проблескивающая зрелость и всецело детское естество. Тесс была чуть старше его, но спроси любого из замка, кого они считают самым младшим — все назовут одно и то же имя из четырёх букв.

— Так что, Эйдан, ты хочешь сахарную гусеничку?

Волчонок приблизилась и не разглядела, что в этот момент в этой комнате их находилось трое. Детский глаз никогда не заметит, что Ошитсунэ мельтешит как катаракта и не стремится исчезнуть. Наивная рука просто тянется вперёд и делится тем, что есть. Дрожащая рука берёт то, что предлагают, и старается не выдать tremora.

— Спасибо. Потом съем, — он бросил угощение себе в карман. — Аппетит пока не ахти.

Внутри него было паршиво, и остаться наедине с собой оказалось бы худшим решением. Он бросил теплое, простое и ничем не вызывающее подозрений:

— Поболтаем?

И дальше слово за слово: Тесс принялась рассказывать сперва об уезде, затем об отце, и чем дальше, тем сильнее её сердце оказывалось нараспашку. Эйдан держался достойнейшим из всех молодцов. Они сидели друг напротив друга на мягких подушках, и кто-то делился с Эйданом искренностью, а кто-то — навязчивыми мыслями.

— Решено. Она пойдёт с нами. Понимаешь? — Ошитсунэ звучал в голове как будто шептал сквозь барабанные перепонки — чем уши

не закрывай, а звук уже словно был внутри. — *Верни ей мармелад. Обжирать своих друзей вздумал, а? Она же так любит своих сахарных червей.*

— Замолчи, — Эйдан смотрел на Тесс и следил, чтобы ни одно лишнее слово не слетело с языка. — *Закрой свой рот, иначе я тебя пришибу, клянусь.*

— *Бей на здоровье. Вдарь так, чтобы посильнее. Испорти нам лицо, ну же.*

— *Тебе тоже достанется.*

— Я так и подумала! — Тесс звучала заглушённо, главное было не подавать виду. — И папа так скучает... Я ему рассказывала, как нашла целое гнездо этих смехишей, но он понятия не имеет, как они выглядят! Ну это те, которые ещё с синими лапками. Олуши, помнишь?

— *Не достанется. Ведь нет никакого "тебе". Мы. Есть "мы". Мы — это когда вместе. Ты и я, Эйдан. Ты. И я. Вместе, но словно одно, понимаешь? Как ты и ты. Ты, как Эйдан. Ты, как Ошитсунэ. Ты и я, ты и ты, даже я и я — всё одинаково, понимаешь? Это всё Эйдан. Это всё Ошитсунэ. Ты. И. Я.*

— Конечно помню. Значит, к родителям поедешь? — проронил он, а Тесс радостно закивала и даже что-то ответила.

— *Ты, Эйдан. Я, Эйдан. Ты, Ошитсунэ мой маленький. И я, Ошитсунэ твой маленький. Свой маленький. Я твой маленький, Эйдан. Я — мой маленький Эйдан, слышишь, Ошитсунэ? Мой Ошитсунэ, ты себя, ты меня, ты нас-то слышишь? Ты и я, Эйданёнок. Я и я.*

Он незаметно для Тесс прикусил себе язык. Не знал наверняка, связан ли Ошитсунэ с его мозгом и рецепторами, но тот всегда останавливался, когда Эйдан начинал калечить своё тело.

— *Хватит. Она не пойдёт с нами.*

— Но что если?.. — нашёптывала его тёмная грань.

— *Нет, она не подойдёт. Нисколько.* — Эйдан возражал про себя, параллельно слушая слова Тесс. — *Никак. Без "если".*

— *Какая же у тебя убогая и дырявая башка. Ей аромат даётся куда лучше, чем тебе способность думать. Она подходит.*

— *Ты сам решил взять Сандера. Нам нужен Сандер.*

— *А мы поменяем план. И это не просьба, Эйдан.*

— Значит... — он со всей теплотой улыбнулся Волчонку, ни на секунду не переставая затыкать гадкий голос, — это что-то важное для тебя, да?

— *Ничтожество. Просто ничтожество.*

— Да. Мне очень дороги папины сказки. Знаешь, с самого детства у меня есть мечта. Хочешь, поделюсь ей? Но если нет времени, то лучше в другой раз. Это... Это кое-что очень важное для меня.

— Хочу.

Когда человек говорит такие слова, одним лишь словом “нет” можно сжечь крайне важный мост в своей жизни. Если речь идёт о близких людях, разумеется. Этих двоих до сих пор связывала парадоксальная близость — Тесс наивно верила, что они не на шутку важны друг другу, а Ошитсунэ просто не отрицал этого, хоть по-настоящему близкими они не являлись. Эйдан же и вовсе старался избегать столь тяжелых мыслей.

Он был уверен в своих силах — сейчас соберётся как следует, заглушит Ошитсунэ и выслушает родного человека. Жучок хотел быть ближе к ней. Хотел узнавать секреты и хранить их, хотя совершенно точно не планировал делиться своими. Хотел быть из числа тех, кому доверяют то, что не каждому можно рассказать. Для этого нужно уметь слушать, и в этот раз он готов был продемонстрировать это на максимум.

Но сейчас он аж вперёд подался, чтобы небезразличие долетело до собеседницы. До этого Эйдан пропускал мимо половины слов и всё приценивался. Сейчас же понял, что это ключевой шаг навстречу человека к человеку.

— Да. Конечно хочу. Расскажи.

Эта мечта показалась Ошитсунэ абсолютной чепухой, а Тесс — самым искренним и важным, чем она только могла поделиться. Но именно с неё и началась их история.

ГЛАВА 1. АКРАСИЯ? СУМАСШЕСТВИЕ? ШУТКА? НАВЯЗЧИВЫЕ МЫСЛИ? СЛАБОХАРАКТЕРНОСТЬ? ЧТО?!

ЖУЧОК

Абсолютнейшая катастрофа. Сравниво с войной, из которой ты планируешь выйти победителем. Пережить вражеский штурм, отбить атаку, перегруппироваться, наступить и задавить немыслимое вражеское войско. Шансы малы, но если собрать волю в кулак, то всё обязательно получится. Этот случай оказался равнозначен тому, когда ты погибаешь от наугад пущенной стрелы вражеского новобранца, который просто хотел научиться стрелять из лука.

— Это про моего дедушку. Его зовут Тёрмандо и...

Сейчас период был такой, который наступает раз в несколько месяцев. Ошитсунэ не сдерживается и наглеет, а Эйдану всё сложнее его сдерживать, спорить с ним и заглушать шепот. Появляются мысли, что, может, и не нужно слушать внешний мир, пока есть шепот в голове. Что нет никакого Эйдана, если нет Ошитсунэ. Что всем и так очевидно, кому лучше быть у штурвала этого больного тела.

— ...слушаешь?

— Конечно, Волчонок. Закрыл глаза и представляю это. Как сказку.

Изнутри поедало что-то больше, чем тревога, но человек пытался отвлечься, слушая спокойный голос.

— Только это не сказка. Знаю, не поверишь, но столько...

Это всё Скай. Он придумал ей прозвище — Волчонок. Скай редко обращался по именам и придумывал каждому своё странное прозвище, которое, как ни смешно, всегда приживалось. Многие казались странными и глупыми, но случай с Тесс можно было назвать идеальным попаданием. Ошитсунэ и Эйдан оказались в восторге от того, насколько же это простое, но подходящее для Тесс слово. Какое-то время даже пытались придумать что-то ещё более уместное, но переплюнуть “Волчонка” было невозможно. Она и правда была волчонком, во всей своей сути. Глупый наивный щенок, который пачкается в листве и не умеет пользоваться клыками. Человек и его тёмная грань взяли прозвище на заметку и сами стали так обращаться к ней.

— ...о ещё давно... Хо-хо! Там образовалось целое кладбище судов и лодок, они все задрябли и...

Эйдану же досталось прозвище “Жучок”. Идиотское и совершенно непонятное, но он даже не оспаривал его. В такие моменты даже улавливался символизм — жучок грелся рядом с волчонком, слушал его тёплую мечту, но в глубине думал совершенно о своём: жучьем, насекомистом и хитром. От жуков мало кто был в восторге.

— Папа рассказывал мне много историй, которые в детстве услышал от дедушки. И знаю, есть люди...

Плохо...

Плохо.

Плохо!

плохо.

Мысли разрывали, становилось физически больно. Тревожность заставляла пальцы сжиматься и разжиматься. Тогда Эйдан приоткрыл глаза, чтобы увидеть двух зелёных светлячков, но пожалел. Закрыть он их больше не мог.

— Чушь, разве нет? Это ведь абсурд, завёрнутый в себя же.

Он видел себя в отражении окна. Там точно был кто-то другой — похожий на Эйдана снаружи, но совершенно другой внутри. Отличие между ними было в деталях: У Ошитсунэ под ногтями были синяки, в пальцах постоянно крутилась папироса, а на лице то и дело проступала неуместная ухмылка. Но основное отличие было во взгляде — в нем читались скука и усталость, к которым он до смерти привык. Он редко нервничал, никогда не любил и не боялся, поэтому зрачки его сужались плюс-минус никогда. Когда паразит завладевал телом, именно по этому взгляду его и различали самые наблюдательные жители замка. К счастью, Тесс была настолько далека от них, что ворохом слов не опишешь.

— Бросай ты этот театр. Мы берём её с собой и идём прямо сейчас. Всем планам план.

Эйдан переводил взгляд с Тесс на отражение в окне и думал — если сейчас поднести ладонь к губам и незаметно прикусить себе палец до крови, кто из них отреагирует первым?

— Мы же обещали делать вместе всё. Решили взять Сандера. Уже решили.

Ошитсунэ улыбнулся, обнажив зубы.

— Если ещё раз захочется открыть рот, сожри гусеницу, что тебе дали. А пока цветение, паникёр ты мой, мне решать.

Он затянулся папиросным дымом, ухмыльнулся напоследок и вернулся домой, в тёплую черепную коробку, исчезнув с отражения.

— Как настоящий морской лев, он вечно то на своем, то на чужом судне был, но манили его вовсе не деньги, но... но... Эйдан, зачем ты делаешь себе больно?

— Воображение разыгралось. Приключения, море — это ведь совсем другая жизнь, Волчонок. Суровая морская сказка и нам, сухопутным, не понять. Просто не верится!

— Ещё бы! Даже папа однажды говорил...

Приближалось время, когда Ошитсунэ полностью возьмёт вверх. Сам он называл такое время “Цветением” и смаковал это слово каждый раз, как произносил. Психическое состояние становилось

слишком шатким, идеи и шепот Ошитсунэ — непоборными, комплексы, страхи и сомнения превращались в нераспутываемый ком и оставалось только пережить этот период, оставив себя на затворках подсознания. Настоящий Эйдан куда-то пропадал и полноценно возвращался только после этого самого “Цветения”. В периоды перед ним, как сейчас, всегда опускались руки, ведь бороться — всё равно что взбираться на скалу по тонкому длинному волоску вместо троса. Ноль шансов при лучшем из раскладов — Ошитсунэ знал как жить, как действовать, каким быть. Знал всё, чего не умел Эйдан и даже думать не смел о чём-то, что не сходилось с его взглядами. Это мрачный период, период неизбежный и замкнутый, крайне болезненный психологически, но кратковременный, к счастью. Всего-то нужно пропасть на десяток дней.

— Он такой невероятный, — не унималась подруга. — Достойный и преданный своему делу, пусть и со странностями...

Эйдан ждал лучшего момента, чтобы встрять и меж тем пытался согреть руки. Так и быть, в этот раз Ошитсунэ победил. Именно он до этого рассказал Эйдану о громадной трагедии, потому и ему было выбирать, как эту трагедию решить. Оставалось смехотворно мало — найти друга, который разделит с ним путь. Из-за этого в последние дни он выкурил больше обычного. В каждой папироше Эйдан видел свой ответ, как нумерологи видели ответы в числах. Он загадывал себе потенциального партнёра из замка, доставал папирошу и, прежде чем окурок касался пепельницы, знал, разделят ли они приключение или нет. Была пара кандидатур, но почему-то только Тесс вошла, Ошитсунэ так сильно потянул одеяло на себя, настолько поверил в гениальность своего решения, что ни одно слово Эйдана больше не могло бы переубедить его. Мгновенное и абсолютно безапелляционное решение.

— Однажды я всей душой хочу сделать это, — закончила Тесс мечтательным выдохом, но охнула, лишь услышав ответ.

— Слушай-слушай... внимательно, ладно? Вдруг однажды уже наступило?

— Прости?

— Прощаю, конечно. — Ошитсунэ оскалился, но такая улыбка всегда казалась ему лучезарной. — Я хочу отыскать кое-что важное. Вдруг настал момент по пути проведать этого твоего бравого Тёрмандó, Волчонок? Я как представляю нашу с тобой дорогу, где мы вместе, плечом к плечу и сердцем к сердцу... Это было бы

невероятно. Вдруг скоро мы отыщем то, что до этого не решались? Всегда ведь есть лазейка, а?

Она отреагировала ярче, чем представлялось: прикрыла рот рукой, не веря покачала головой и не знала куда себя деть.

— Ты... Ты что это... Шутишь, да?

— Ничуть. Скоро я собираюсь отправиться в далёкую дорогу. И хочу взять тебя с собой.

— А когда? А расскажешь мне? — Тесс подалась вперёд и взглядела загорелся, но друг тут же её пресёк. — Пожалуйста. Расскажешь, куда идёшь?

— С удовольствием. Но сперва, — он выставил указательный палец между их носами, — завари-ка нам чайку на разговор, а? Мой любимый, с жимолостью. А я пока пораскину, как здравый смысл на ноль разделить и найти твоего дедушку, идёт?

ВОЛЧОНОК

То ли чайник оказался холодным, то ли это температура Тесс подскочила выше некуда. Она заваривала листья в утреннем зале, что находился недалеко от входа в замок, и поверить не могла свалившейся на голову новости. Сама возможность, сама мысль о таком спонтанном походе за дедушкой заставила её прыгать по залу и готовить чай вприпрыжку. Но справилась Волчонок быстро, а с готовым чаем уже не попрыгаешь.

По дороге к Жучку Тесс отвлеклась. Всему виной был водоворот из листьев, который она увидела прямо за окном. Чайник, сервис и немного сахарного масла уже лежали на подноссе, любимые сладости были в кармане, но ветер решил поиграть и отвлёк её. Он щёлкнул по окну, чтобы Тесс выглянула наружу, а потом принялся развеселиться. Прямо на её глазах одинокие листочки с округи начали собираться в один ком, подбрасываемый ветром. И всё это длилось не несколько секунд, даже не полминуты, вовсе нет. Это продолжалось с несколько минут и разница между повседневным дуновением ветра и маленьким чудом была очевидна.

Тесс мигом выбежала из утреннего зала и поспешила на улицу. Красота никуда не пропала и дождалась любопытного человека. В танцующих на месте листьях Тесс разглядела силуэт маленькой выдры, но после тот сменил форму и на секунду стал ключом необычных птиц с острыми крыльями, а после пугалом со сложенными на поясе руками.

Формы менялись, а Тесс так и стояла на месте, застывшая и зачарованная. Уже какую минуту красно-оранжевый вихрь танцевал, а каждая новая форма вызывала улыбку. Вот и она, пора плотных Вездесущих²! Кто бы что ни говорил, а эти минуты Тесс считала осенним подарком, подаренным только ей. Маленький ураган чуть сменял местоположение, но Тесс делала небольшой шаг и снова оказывалась на расстоянии вытянутой руки от этого зрелица.

И только когда вихрь упёрся в ясень, который рос поодаль от замка, Тесс отвлеклась от зрелица и осмотрелась. Нехорошо.

— Пока, листеворот! — она помахала и быстрым шагом устремилась обратно домой.

Чай остыл не так, как она опасалась. Поесть времени не оставалось, поэтому Тесс быстро взяла поднос и выпорхнула из утреннего зала. Её уже сколько времени ждали, а она опять задержалась. Дорогая её сердцу Кейтлин³ всегда злилась на такие опоздания, пусть даже небольшие, поэтому каждый раз щипала Тесс за эти маленькие проступки. Получалось чуть ли не сильнее, чем это делали уховёртки.

— Оп! — она открыла дверь спиной и занесла поднос внутрь. — Извини, что опоздала. Я засмотрелась на листья. Чай совсем немного остыл, но это даже хорошо. Я вечно обжигаю язык, если сразу начинаю пить.

Комната Эйдана была почти такой же, как и двадцать минут назад. Всё то же, даже подушки ничуть не сдвинуты, но везде, этот чёрный дымок, который неприятно пах и очень долго выветривался. Не гадкое посредственное курево, а особенный вид дыма, который Эйдан называл “диско”. Именно его вдыхал в углу комнаты тот, кто попросил сделать вкусный и ароматный чай.

² Плотные Вездесущие — четыре божества, воплощающих собой осень и приносящих людям извержения, ливни, ветра и бодрость. Они противопоставляются четырём другим, лучистым Вездесущим, которые ассоциируются с весной и несут в себе спокойствие, плодородие и цветение.

³ Кейтлин и Парадокс — близкие друзья Тесс, вечно тянувшие её за собой в авантюры. Они — шумная и любознательная часть жизни Волчонка, которой интересно познавать этот мир. Бережливой рукой они ведут Тесс за собой, ни на секунду не погружаясь в рутину или серость. В их связи преобладает интерес к жизни и жажда движения.

— Спасибо.

— Опять ты?

— Опять? — притворился, что не понимает.

— Опять этим своим “диско” баловался? Ну неужели нельзя было просто подождать меня без этой глупости?

— Упаси Вездесущие, Тесс. Это оно балуется мной, а не наоборот. Будь ситуация под контролем, сделал бы я так?

Она поставила поднос на пол и протянула горячую кружку. Эйдан сомкнул указательный и большой палец, и те стали костяшками. Парень затянулся не с жаждой, скорее демонстративно. Выдохнул, и вместо серого дыма вылетел черный и вязкий пар. Вёл он себя забавно, как шаровая молния — непредсказуемый, невероятный и смертоносный. Только вот Тесс знала, что этот вид курения, это его “диско”, даёт Эйдану и смелость, и спокойствие, но забирает куда больше.

Жучок оскалился, смотря в пол. Такое острое выражение лица, будто открытая булавка. Чай он налил, пока его зубы оставались обнажёнными. Венди⁴ рассказывала, что все эти повадки и развязное поведение означали, что компания у неё поменялась. Скорее всего сейчас перед ней был Ошитсунэ, но она никогда не умела определять наверняка.

— Какой невероятный вкус, ого! Дай угадать, что это. Стой, — он налил себе и рассмаковал, — никогда такого не пил. Точно. Это что, голубика?

— Жимолость. Как ты и просил.

— Вот так да... Никогда бы не угадал. Я даже не знаю как у неё выглядят ягоды, у этой жимолости. Вот этот оттенок, интересный такой... Жимолость это дерево? Это фрукт?

— Ягоды. Они выглядят как синие слизни.

В основном пил Ошитсунэ, Тесс посмаковала лишь одну чашечку. Ей не было тревожно, но в такие моменты она была начеку. Пить чай расхотелось из-за гадкого запаха “диско”, которым тут всё пропахло.

— Что ты? Планируешь, значит, сегодня к родителям поехать, так?

— Да. Но я на несколько дней, а потом свободна буду. И тогда смогу составить компанию.

⁴ Венди — одна из самых близких подруг, которую Тесс воспринимает как наставницу в серьёзных вопросах. Волчонок считает Венди своей старшей сестрой и многому у неё учится. Зрелость, ответственность, умение отстаивать границы и прямолинейность — лишь некоторые из черт, которые нравятся Тесс в Венди. В их связи преобладает душевность и тяга к природе.

— Отлично, — он цокнул языком. — Есть две вещи, о которых я бы хотел попросить перед твоей поездкой. Напутствие, так сказать.

Собеседник отложил чашечку в сторону. Продолжать он не спешил и оставлял в воздухе слизкую недосказанность, как улитка оставляет за собой длинный скользкий след.

— Первое — хотел попросить беречь себя. Ну, чтобы случайно не поскользнулась в самый ненужный момент или не упала на кактус. Чтобы без казусов, в общем. И без кактусов. Аккуратной будь и передавай привет маме с папой.

Тесс кивнула, тем самым дав обещание беречь себя.

— Во-о-от. А второе, тха! Чуть противоречит первой моей хотелке, — Хитрый, он пытался говорить так, словно речь о мелочах. — Но в этом есть смысл, наверно. Хотел попросить никуда не ехать. Вообще забыть об этих поездках ненадолго и рвануть со мной в гущу событий. Думал, что можно подождать, но времени впритык. Впритычище просто. Но ты не подумай, — он задорно помахал пальцем из стороны в сторону, как будто хвостик змеи предупреждал об опасности. — Это не просто забавы ради. Ради неё я бы тебя не звал, потому что мы веселимся слишком по-разному. Тут вопрос масштабнее.

— Но ты говорил о моём дедушке. И что мы его навестим, да?

— Да, к дедушке мы заскочим по пути. Есть пара идей как это провернуть.

— Но он ведь очень далеко отсюда. Разве центр мира нам по пути?

— План зреет. Главное, что это будет наш поход, Тесс. *Наш*. Детали я тебе ещё нашепчу, уж поверь, успеется. Тут же вопрос не в деталях, а в шепоте, — тонкий палец коснулся грудной клетки и пару раз по ней постучал. — Что оно говорит? Пойдёшь со мной прогуляться?

Тесс в такой же манере постучала пальцем по своей грудной клетке и нарочно сделала вид, что прислушалась.

— Пусть Эйдан ко мне обратится, говорит. И тогда я решу.

— Что? — он прыснул от удивления. — А сейчас ты с кем говоришь? С птичкой додо что ли? Или сорняком? Или курягой-доходягой? — Жучок повеселел ещё сильнее и начал жестами пытаться показать всё, что называл. — Всё по существу, так-то, но этого пернатого сорнякурильщика перед тобой зовут Эйдан. Такие дела выкручиваются. Так что выбрасывай колкости и шуточки вот туда, в пепельницу. Ну так ты как, в деле?

Говорил он уверенно, сладко и запутанно. Но перед Тесс стоял лжец и слова его наслаждали болючую пыль. Хитрец решил

показаться искренним — это оказалось не весело и не тепло. Пока что он не уколол словами до крови, но зачем вообще было доставать лезвия и крючки рядом с теми, кто дорог?

— Пусть тогда поможет Пракси⁵.

— Он поможет, — мерзавец неестественно подавился ненастоящей улыбкой. — Потом. Не в этот раз.

— Я боюсь идти с незнакомцами в дальнюю дорогу. А я не уверена, что мы близки, Ошитсунэ. Но искренне надеюсь, что ты допархаешь туда и обратно без происшествий.

— Ух ты! Это ты у Венди научилась, да? Ты и прямолинейность... Держишиесь умницей, но сердечко выдаёт беспокойство. Я-то его слышу, — он насмешливо покачал головой. — Тук-тук. Оно в твои слова не верит. Не твоё это, прямолинейность.

— Я... — стало настолько неуютно, что Тесс напрягла живот. — Я пойду.

Выйти она не успела. Близких Волчонок никогда не перебивала и дослушивала до конца, не важно, бредни, искренности или сказки те плели. Лишь иногда она засыпала раньше времени, если разговоры затягивались допоздна. Она редко могла разглядеть Ошитсунэ, но в этот раз удалось — ничего близкого в нём не было.

Жучок стукнулся головой о стену и остановил её этим звуком. Вдохнул пару раз и потупил взгляд. Ему нужно было собраться с мыслями. Свою речь в такие моменты он не любил и говорил, что она ломкая. А Тесс всегда представляла проросшие саженцы, когда слышала эти его прерывания. Медленные слова, но ни одно из них не было фальшивым.

— Есть срочное дело, в котором я не справлюсь один. Никак, Волчонок. И Пракси мне не поможет. Тут он меня совсем не поймёт. Не поймет, понимаешь? Пракси не подойдёт. Я попросил именно тебя, потому что... Порыв, понимаешь? Спонтанность. Есть одно место, очень ласковое, которое я хочу тебе показать. Невероятно хочу. Хочу там быть только с тобой, когда ты глазам своим поверить не сможешь. Но только после того, как победим или хоть попытаемся. Сперва бы решить мою проблему. И твою, с дедушкой. Вряд ли у нас получится в одиночку, поэтому решил нырнуть вместе. Чтобы ты, я и одно небольшое путешествие. Вдвоём мы могли бы дать жару. Это тебе говорит Эйдан, если вдруг сомневаешься. Не Ошитсунэ.

— Знаю. Это тебе отвечает Тесс.

⁵ Самый близкий друг и важный человек для Эйдана в замке, Эмиронии и всём Виоландо.

— Ну хватит. Давай ещё начнём бросаться очевидностями, — Жучок стыдливо поджал губы. — Ты просто... подумай, ладно? Подумай и дай знать, что выберешь.

— Только можно замечание?

— Валяй. Постараюсь не разрыдаться от обиды.

— Ты иногда задаёшь глупые вопросы. Что я могу выбрать между близким человеком в беде и просто приятной поездкой? Когда меня просишь ты, ответ и так понятен.

Тесс улыбнулась и неприятный вопрос оказался закрыт, только они соприкоснулись ладонями. Волчонок ощутила, что голова немного кружится, а едкий запах становится сильнее.

— Только скажи, мы далеко отправимся? Это где-то в Стеоксе?

— Ну... Нет, не то чтобы прямо в самом Стеоксе-Стеоксе. Это буквально, Тесс, буквально за соседней действительностью.

— А-амн... А вещи? Вещи... собирать? — это было лучшее, что удалось выдать.

— Вряд ли. Мы на пару часов туда, поэтому поскорее бы убраться отсюда. Лучше прямо сейчас, без сборов.

Эйдан, не отрывая взгляда от Тесс и не выпуская чашку из рук, содрал синий листок со стены, а там, за ней, какая-то его, мало кому понятная невидальщина. Обычно он исчезал и известным ему образом оказывался там, за гранью. Но в этот раз действительность за синими листами почему-то устремилась наружу, а не ждала гостей, как обычно.

— Ой!

Из небольшого отверстия хлынуло так, что Тесс отпрянула и совершенно растерялась. Она видела, с какой немыслимой скоростью густая жидкость наполняет комнату — счёт шел на секунды. Это тот редкий случай, когда Тесс одолел страх, но один неоспоримый плюс не позволял перейти на крик — водица сперва была чёрной, а потом начала менять цвет. Красное, жёлтое, зеленое и синее! Все начало окрашиваться в яркие цвета, и это, как ни бойся, было восхитительно красиво. Природа невероятного и загадочного буквально коснулась её колен. На одну четвёртую она уже утонула в нём.

— Ч-ч-что?! Что это такое?

— Не стой, глупая! — Эйдан был навеселе и, что удивительно, даже пританцовывал. — Утопай в танце, а не как бревно!

— Эйдан!

— Просто хохочи, пляши и веселись, говорю тебе. Не воспринимай действительность. Не воспринимай её и всё.

— Как тут... Как не воспринимать? Я её кожей чувствую!

Тесс подумала было открыть дверь, но никакой двери, никакого окна, ни единой трещинки в стенах уже и в помине не было. Эйдан же был навеселе.

— О, моя милая, милая леди, в тебе совсем нет энтузиазма.

— Нет, я просто не люблю такие сюрпризы!

— Любовь ведь там, где ты её находишь. Слушай своё сердце!

Он смотрел на неё с улыбкой и даже не пытался всплыть вверх. Как Эйдан плясал с чашкой у рта, как отхлёбывал вкус жимолости, так и пропал под огромным слоем разноцветной жидкости. Через считанные секунды неизвестность покрыла целиком и саму Тесс. Но никакого удушья или агонии. Только вода полностью заполнила комнату, как не стало ни жидкости, ни самой комнаты Эйдана. Ей почудились разноцветные огоньки.

ГЛАВА 2. НЕВЕСТЬ ГДЕ, НЕВЕСТЬ ЧТО

ВОЛЧОНОК

Тесс ощущала как теряет равновесие и падает, но крепкая рука вовремя её словила. Повезло оказаться в объятиях, а не на полу. Беспокойный взгляд Эйдана сразу подарил воспоминания из детства — она часто падала и билась затылком о пол, родители тут же метались к ней и обеспокоенно смотрели на испуганное лицо. Точно так же, как Эйдан сейчас, но тогда, смотря в родные глаза, она ощущала легкую тошноту. Сейчас же её окутала паника.

— Что... Что?! — Волчонок завертела головой и всё равно ничего не понимала. — Где мы?!

— Идиот. Знаю, знаю, что полный олух, Тесс. Только ты не бойся. Главное — не бойся сейчас, пожалуйста. Дай объяснить, — Эйдан говорил вспыхах, но чистосердечно, даже сомневаться не приходилось. Переживал он не меньше её. — Это так глупо получилось! Ты надышалась дыма от диско и у тебя сознание поплыло. А я не думал, вот поверь... Я просто не думал, что тебя зацепит. Ты ведь даже не вдыхала его напрямую, я такое первый раз...

— Так что, мы не захлябли там?

— Нет, конечно! — тут же успокоил Эйдан. — Мы в Невести, перешли как и всегда. Это всё диско навело шороху в твоей голове, понимаешь?

Тесс осмотрелась по сторонам. Несколько раз ей уже довелось оказаться за голубыми листами, которыми её друг облепил стены своей комнаты. И туда, и обратно они прыгали по одной и той же схеме: Эйдан брал Тесс за руку и просил закрыть глаза. Она на всякий случай даже дыхание задерживала, чтобы не случилось чего. А потом менялся звук и само ощущение в пространстве. Тесс понимала, что находится уже невесть где, но не открывала глаза, пока Эйдан о том не просил. И хоть в этот раз всё сработало не так

гладко, сейчас оба стояли посреди неприятного и скомканного места со множеством углов, неестественных искривлений и непрямых плоскостей, которое Ошитсунэ однажды отыскал и нарёк "Невестью".

Название как нельзя лучше отображало его суть — переходя сюда, Эйдан и правда оказывался невесть где. Если его нет ни в замке, ни в своей комнате, то он наверняка блуждает тут, по невероятно долгим тропам. У него были свои способы прийти и выйти из этого места, но Тесс была уверена, что голубые листы точно играют в этом ключевую роль.

— Ужас. Если меня так расплавило, что же с тобой происходит, когда ты вдыхаешь эту дрянь?

— Ай, я привык, поверь. У меня бредней от диско не случается.

— Никогда?

— Никогда. Только спасение и безмятежность.

— И всё равно. Можешь, пожалуйста... Эйдан, можешь больше не курить это твоё диско, когда я рядом? Кажется, у меня непереносимость.

— Да я хоть поклясться тебе готов. Уж поверь, сам испугался как никогда раньше. Больше никакого диско, — он замотал головой, будто даже мысль о таком варианте не рассматривал. — Главное — что ты в порядке.

— В порядке. Вот только... только...

Тесс ответила машинально, потому что внимание было сосредоточено на другом. Она ощупывала свои карманы, хоть и уже знала — беда. Резкие события, полная неподготовленность и, как итог, напрочь плачевный результат. И ведь Венди столько раз говорила ей: "Когда чего-то по-настоящему хочешь — действуй. Не колебайся, иначе прозеваешь всё, что только можно". Прислушайся Тесс к этому совету всерьёз, желудок бы не кололи воображаемые иголочки.

— Я не завтракала. И даже еды нам не взяла. У меня с собой разве что гусенички, — она с тоской посмотрела на вынутый из фляго небольшой пакет и решила заесть тоску мармеладной крохой.

— Это хорошо. Даже прекрасно. Недалеко есть одно неповторимое место, там и поедим. А заодно и момент один обсудим. Ну, потопали?

Как же хотелось вернуться! Еда была ох как важна — Тесс любила вкусно поесть и терпеть не могла чувство голода. Ещё с утра её ждал любимый сырный суп с мясными колечками, который теперь так и останется покрываться плёнкой несвежести. И вот сейчас была самая прекрасная возможность возразить, сказать, что сперва

сытный завтрак, а потом любые свершения. Как сильно это звучало в голове, насколько же уверенно она произнесла каждое слово. Про себя она уже обедала в замке и наедалась до отвала, но вслух смогла промямлить только совсем невпечатляющее:

— Ну... тогда... да, потопали.

* * *

Оставалось только идти за своим другом-проводником и ненароком не съесть всех гусеничек. Невесть было скучным, но необычным местом — всё в этом мире было свёрнуто подобно фантику, кроме них самих. Это было особенное пространство, которое разворачивалось прямо перед ногами и оставалось нормальным везде, где они уже ходили. Нужно было потратить невероятно много времени, чтобы обходить всё поперёк и развернуть место полностью: это как зайцу весь лес обскакать или даже сложнее: скорее, как кузнечику прыгнуть через озеро, как корове дать реку молока или даже как пчеле опылить всё поле в одиночку. Может, и возможно, но очень, очень трудно.

Здесь были разные уровни, высоты и направления, потому можно было сперва идти вперёд-вперёд, а потом резко повернуть в сторону и двигаться уже вперёд-в-небо подальше от вперёд-в-пропасти. Глупость несусветная, но пока Тесс шла прямо за Эйданом и не врезалась в какие-то внезапные углы, нечего было жаловаться. Вот случись с Эйданом что, потеряй он сознание или превратись ненароком в часть фантика — Тесс ни то что б выход не нашла, а даже сделать шаг в сторону неизвестности не рискнула бы.

За ними тянулся шлейф прямой, понятной человеческому глазу чёрно-белой местности. Не как будто глаза перестали видеть цвета, а словно сама местность складывалась с сочетаний черного, белого и серого, как в каких-то безумных рисунках карандашом. Но позади хотя бы оставалось понятной формы. Остальное, куда их нога ещё не ступала, так и оставалось смятым.

— А ты когда-то обходил Невесть полностью?

— Нет, что? Это невозможно.

— Почему? Она такая громадная?

— Потому что когда я выхожу из неё, она снова полностью сминается. И каждый раз приходится разминать всё с самого начала. По памяти.

— А она может тебя зажевать? Чтобы ты всмятку был, как и всё тут?

— Так, тут направо. — Эйдан искал дорогу и параллельно отвечал.

— Нет. Пока мне везло. Путаться — путался, но всегда оставался целёхоньким.

Место было скучным и безжизненным, потому интереснее было спрашивать о его возможностях, чем наслаждаться местными красотами. Жучок объяснил ей, что суть этой Невести в зависших прямо в воздухе разломах, подобных тому, который находился у Эйдана в комнате за голубыми листами. Достаточно стать перед ним, провернуть кое-что и оказаться уже не невесть где, а в конкретном далёком уголке мира. Но запомнить все эти углы в углах, повороты и наклоны было чем-то непосильным даже опытнейшему картографу, потому Эйдан был единственным, кто мог не потеряться в этом хаосе.

— Ну ты, конечно, и удачник, Жучок.

— Удачник? — он снова был сосредоточен на выборе нужного направления.

— И удачливый, и счастливчик, и всё вместе. У тебя нет аромата, но Ошитсунэ даёт тебе особые знания. У тебя есть диско, которое... Скажем, оно искажает реальность, так?

— Только для того, кто вдохнет.

— Ну вот. Ещё эта Невесть есть. Ну, она жуткая слегка, но полезная. Любой аромат скучно выглядит на фоне того, что умеешь ты. Как обычный фикус на фоне клёна. Фикус, конечно, хороший, да и фикусы разные, есть побольше и попышнее, но даже он, конечно, не клён. А если бы и был...

— Так, так, Тесс, — он замахал руками. — Остынь. Не романтизируй всё это. Будь моя воля, Ошитсунэ бы я навеки заткнул, а Невесть навсегда запечатал. Но у меня свобода выпала в юном возрасте, как молочные зубы. Считай, я безвольная сволочь, поэтому сосуществую со всей этой чушью. А аромат человека — это его выбор. Его свобода, улавливаешь?

— Ага. Но от диско ты ведь можешь отказаться и никогда больше не вдыхать его?

— Слушай, Волчонок, — он остановился и ласково улыбнулся ей,

— Я не диктозависимый, просто без него моя жизнь теряет смысл. Так что нет. Ты лучше сюда посмотри.

Они остановились у одного из разломов, в который Эйдан попросил заглянуть. С расстояния Тесс видела что там есть небо, есть ряд чего-то золотого, но слишком близко не приближалась.

— Хочешь, научу переходить? Подойди ближе, словно в глазок смотришь.

Её сердце начало стучать быстрее. Здесь всё куда серьёзнее еды — точно не соглашаться, но и сил отказать будто не было. Буква "э", была единственным, чем можно было сражаться.

— Э-э-эй? Ты в порядке?

— Н-нет. Ну да, но не совсем. Неловко говорить, но мне страшно смотреть в глазки или что-то такое... маленькое. У меня фобия. Сразу кажется, что глаз вот-вот цапнут. Я однажды нашла теплорастущий кедр, у которого сердцевина ствола светится зелёным. Заглянула в небольшую щель, а оттуда вылетел жук и... кажется... — Тесс проморглась и посмотрела на свою руку. — Турецнул меня немножко. Я с тех пор чуть хуже вижу правым глазом.

— Оу... Ну, это точно был не я. — Эйдан погладил её по плечу. — В калейдоскопы ты тоже не смотришь?

— Это самое страшное! Кажется, что деталька выпадет и поцарапает мне сетчатку, — Её передёрнуло. — И когда закрывала глаз, чтобы целиться из револьверов Кейтлин, тоже было не по себе. Думаю, я просто люблю смотреть на мир сразу двумя глазами.

— Запомнил. Тогда закрывай оба — мы уходим отсюда.

* * *

В какой-то момент пространство и правда менялось. Живые звуки стали долетать до неё, по коже пробежал ветер и стало понятно, что они уже не невесть где. Эйдан видел часть наружности в этих разломах, а потом смотрел на неё под таким углом, что оказывался на другой стороне. Какие-то свои чудачества, но ей не обязательно было знать все его секреты.

— Можно?

— Да, открывай.

Тесс тут же убедилась, что угловатое и мятое осталось далеко позади. Сюрреалистичное и странное прошло, а перед глазами появилась аллея с салатовыми деревьями по сторонам. Листья дышали весной даже под ногами и словно прокладывали путь вперёд. Как странно было видеть на земле не оранжевую или

красную тропу, а полностью салатовую. Настоящая красота Лучистых Вездесущих, вот только откуда было взяться весне? Когда приходила пора года, она всегда охватывала весь материк, потому не мог Стеокс оставаться оранжевым, а другой город — зелёным.

— Ух ты! Из осени и сразу в весну⁶ — как это возможно? Куда это мы попали?

— Сюрприз! Всего несколько минут, а мы раз, и на другом конце материка. Талант, да? Почему я ещё, спрашивается, не зарабатываю на этом? Всех извозчиков обанкротил бы, клянусь.

— И правда, почему? Стой! — он махнул — снова куда-то торопился. — Эйдан, ну почему? Мы каждый раз по много часов ездим на задания, а можем же просто вот так! Прыг, и в невесть. Скок, и из неё!

— Да-а-а, если бы, — Эйдан почему-то всё это воспринимал как шутку. — Но Ошитсунэ так себе с людьми работает. Мы тут только потому, что ему позарез нужно. Но на комфорт и удобство других ему плевать, такие вот делишки выходят.

— Но на твои ведь не наплевать?

— Ты сколько его знаешь? — прыснул тот. — На мои ему вообще глубинно и чистосердечно начхать.

Эйдан взял её за рукав и они пошли быстрее. Прямо, ведь больше здесь идти было некуда. Можно было юркнуть между деревьев, но это если бы Тесс гуляла сама. А так лишь зелень, зелень, зелень!

Но только они дошли до конца, деревья кончились. Здесь было несколько лиственных куч, а посреди небольшой площадки стоял единственный столик с четырьмя стульями вокруг. На нём стояли четыре чистых блюдца, столько же чашек, тарелка с пряниками, чайник на самом его краю и больше ничего. Столик этот стоял точно на пересечении аллей, укрытых ярко-зелёными листьями.

— Недавно нашёл это место. Тут чайник и тарелка с пряниками самонаполняются со временем, а чашки и блюдца всегда чистые. Кто бы подумал, что иногда за чудо может сойти и такое. Ну и... чай, пряники, весна, природа — сама понимаешь, сразу подумал о тебе. Пил этот чай и, честно, ты была в каждом глотке.

— И правда ласковое место. Ты не соврал! Здесь даже тепло по-особенному.

Стоило только проникнуться чувствами к происходящему, Эйдан тут же начал отекивать и суетиться.

⁶ На Эмиронии год имеет строгий порядок: весна, первое лето, осень и второе лето. И хоть количество месяцев весны и осени в каждом году всегда разнится, их обязательно разделяет лето, не давая им соприкоснуться.

— Что? Нет! Это не то самое ласковое место, что я обещал показать. Мы здесь просто налопаться пряников и поговорить. Просто мне нужна была тишина, но нет-нет-нет, ты перепутала. Туда мы пойдём потом.

- Здесь тоже ничего. Спокойно.
- То, что я покажу, будет еще лучше.
- Намного?
- На очень много.
- В тристаillion раз?
- В два тристаillionа. Сама увидишь.

Они отшутились и сели друг напротив друга. Эйдан принялся наливать чай Тесс, а потом себе. Ветер задувал сюда мягко, птицы нежно чирикали меж зеленью, листья летали туда-сюда и ни на одной из аллей не было видно живой души. Место поспокойнее ещё нужно было отыскать. Тесс сняла флайо и положила на свободный стул, но всерьёз задумалась о том, как было бы хорошо сидеть в такую погоду вовсе без одежды. Эйдан повторил за ней, но вряд ли подумал о том же.

— Не знаю кто, но они молодцы, — Сказала она после того, как рассмаковала напиток. — Вкусный вышел. Передержали листы, но смягчили марангом. Такой вкус, который можно долго смаковать и не переживать, что он выветрится.

- Умницы какие.

По виду Эйдана нельзя было сказать, что эти тонкости впечатлили его. Он принялся жевать пряники, потому что не умел наслаждаться одним лишь вкусом чая. Запивать им мучное и слишком сухую еду — да, но не постичь вкус отдельно. Тесс же не прикасалась к еде, пока её чашечка оставалась полной.

— Так вот, о важности. Есть разговор. Это ты уже знаешь. Эйдану было отчего-то неловко начинать, потому он крутил сигаретную пачку в руках. И только набрался смелости, как положил её на стол и легонько стукнул по ней.

— Скоро пик “Цветения”, Тесс. Буквально с... с момента на момент. Но сейчас у меня кристальное сознание. Он разрешил.

Жучок нервничал. Он ногтями сцарапывал кутикулы, совал сперва один ноготь под другой, а после наоборот. Будь у него шерстка, точно бы ощетинился.

— Я думал дать штурвал Ошитсунэ. На время. Но нам очень понадобится твой аромат. Впереди нас ждёт крайне странное место и там мне просто позарез нужен носитель. Поэтому когда я попрошу,

будь добра, подыграй. Я прошу вас не ссориться с Ошитсунэ, пока мы всё не решим. Договорились?

— Хорошо. Но к чему это всё?

— К чему это всё, да. Есть одно дело абсолютной, — он подчеркнул это слово, — абсолютной важности. Для меня, Ошитсунэ и Фриды⁷.

— Она тебя о чём-то попросила?

— Да. Да, но...

Не получилось подобрать слова, потому Эйдан взял пряник и думал, пока его уплетал.

— Немного не так. Когда-то Фрида стала вторым человеком, после разговора с которым моя жизнь разделилась на новую эпоху и то, что было до неё. Очень сложно испытать настолько яркие чувства, говоря с человеком впервые. У тебя был с ней похожий разговор?

— Не знаю. Но когда мы нашли мёртвых оленей, Фрида была рядом и обняла меня. И ей тоже было грустно, так же, как и мне. Я это почувствовала и тогда появился наш первый яркий узелок.

Эйдан тянул руку к очередному прянику, но пальцы замерли у самой тарелки. Он посмотрел пару секунд в пустоту и улыбнулся.

— Представляю. Вы переплелись в лесу, а мы поднялись на крышу замка подышать воздухом. Я тогда не планировал никакого диалога. Я даже не жил в этом замке, только гостили. Мы каким-то чудом обошли скуку, о которой говорят с незнакомыми людьми. Очень быстро прошли момент, когда люди прицениваются и знакомятся друг с другом. И знаешь, Тесс, знаешь, вырвалось у меня тогда такое, что ты сначала говоришь, а только после понимаешь, что выдал самое искреннее нечто за всю свою жизнь. Мы заговорили о моих проблемах с головой. Об Ошитсунэ. О том, что, скорее всего, меня надолго запрут в лечебнице. Очень надолго. И я выпалил:

— Я бы хотел найти людей, которым моё сумасшествие покажется просто плохим чувством юмора. Я бы тогда и шутить лучше стал.

Тесс чувствовала вкус чая, но не глотала. Шум при сглатывании мог помешать расслышать слова, а в таких разговорах совсем не до пауз и переспрашиваний.

— А она, Волчонок, она восприняла это всерьёз. Поначалу смотрела вдаль, думала над сказанным, а после слезла с парапета и посмотрела мне в глаза. Так, как я сейчас вижу твои. Когда даже солнечные блики не помеха. Посмотрела и сказала:

⁷ Фрида — основательница замка Орторус, под крышей которого пересеклись судьбы каждого из его жителей. Ведомая мечтой о близких людях и месте, где те жили бы в безопасности, она привела в Орторус каждого, кто в нём сейчас живёт.

— “А если я подарю тебе людей, которые окажутся тебе ближе себя самого — сможешь их защитить? Сможешь мир вывернуть наизнанку, чтобы твой дом и твоя семья были в безопасности?”

Эйдан смотрел мимо стола, словно опять окунулся в тот момент. Тесс знала, как это — плавать в тёплом прошлом, наслаждаясь каждой секундой, которая убежала много дней назад.

— Вот тогда я замялся как десятилетний. Сначала пронеслись мысли Ошитсунэ, потом мои, и мы оба хотели бросить ей: “Ты это шутишь так?”. Но в тот момент, может из-за того, что взгляды намертво прилипли друг к другу, мы поняли, как ломать горизонты. Ей не было противно сумасшествие в моей голове, да и мне самому оно тогда ощущалось странным, но не отвратительным. А просьба Фриды мне показалась лучом. Лучом, без которого я не смогу. И тогда мы с Ошитсунэ, Тесс, вместе вытянули руку вперёд.

— “Если у меня появится дом и важные люди — я переверну наизнанку здравый смысл, чтобы их защитить, — сказал я. — Мир в пепел сотру, но их в обиду не дам, если только такие люди и правда появятся в моей жизни”. И она так легко протянула руку в ответ. Так, словно я просил поклясться, что её имя — Фрида, и не более того. Мы переплелись пальцами и она произнесла:

— “Теперь ты дома, мой дорогой Эйдан. И теперь у тебя есть смысл жизни”.

— Но ты ведь их нашел. Это же мы, правда?

— Конечно, — непонимающе протянул он. — Что ты такое вообще спрашиваешь? Точно так и случилось. Я не знаю, как она нашла людей, которые так тесно переплелись. Я до сих пор не знаю, что это — аромат, везение, судьба или дело случая. Но для меня Фрида не только мой человек, но и символ. Людское вмешательство в мою жизнь, которое оказалось куда важнее божественного. Мы как-то признались в шутку, что видим друг в друге больше божественного, чем в Вездесущих. Посмеялись, помахали ладонями, мол, ладно тебе, и поняли, что шутка-то и не шутка вовсе.

Удивительное всё же место. Посуда здесь оказалась такой красивой. Чай — идеальным, деревья — высоченными, а Эйдан — всецело искренним. Та ещё редкость, если задуматься.

— И вот, момент наступил, а меня понесло невесть куда. Ошитсунэ дал мне знание о том, что может навредить нам. Замку, его жителям и самой Фриде. Впервые я сталкиваюсь с тем, что кто-то тянет свои лапы в наш дом. Но у нас есть план. Поэтому пока наш замок стоит, а мы дышим, я из кожи вон трижды вылезу, лишь бы так и продолжалось.

— Значит, пришло время исполнять клятву?

Жучок кивнул и Тесс зааплодировала.

— Тогда да, да! Это так по-нашему! Все лапы прочь от Орторуса!

— Скажу сразу, что план... — он прищурился, чтобы подобрать слово, — запутанный и сложный. Поэтому просто доверять мне, хорошо? Я не заведу тебя в беду, клянусь.

— Хорошо!

— А потом и место ласковое покажу, то самое. И к дедушке заскочим на огонёк. — Он подмигнул ей так, что со стула от радости хотелось вскочить, но почти сразу нахлынуло совершенно другое чувство.

— Да. Это прекрасно, но...

Сейчас у них было лишь одно недопонимание. В эту самую секунду речь была не о высоких целях, не о важном для Эйдана или готовности Тесс идти за ним. Не о том, что их ждёт впереди и тёмных лапах, которые тянутся к замку.

— Ты... Эйдан, извини, ты можешь оставить мне хоть один пряник? Я же не ела.

Он посмотрел на свою руку, которая уже готова была забрать две оставшиеся вкуснятины.

— Конечно, — опомнился он и подвинул тарелку ближе к Тесс. — Забирай, оба твои.

Волчонок смотрела на него с благодарностью. Это была первая возможность в её жизни узнать хоть что-то о своём дедушке. И радость от того, что именно она поможет защитить своё родное место, была неописуемой. Совершенно спонтанный шаг навстречу многим, кого она любит: Эйдану, дедушке, приключению и всем из замка, если вдруг их и правда кто-то решил обидеть. Тесс делилась самой искренней из всех своих улыбок, а Жучок словно не понимал — что она так счастлива из-за каких-то пустяков?

— Спасибо тебе. Огромное спасибо.

— Да... Пожалуйста? Ничего такого, это ведь всего лишь два пряника.

ГЛАВА 3. ТОЛЬКО НЕ ЗА БОЧОК!

ВОЛЧОНОК

Пока Тесс жевала мягчайшие пряники и допивала чай, собеседник сидел в тишине. Ошитсунэ совершенно внезапно мог забрать штурвал сознания, а Эйдан временно залечь на дно, с этим ничего не поделаешь. Во время “Цветения” такие вещи происходили особенно быстро, даже два пряника с чаем не успеешь доесть. Венди лучше всех видела такие моменты и учила Тесс следить за мелочами, чтобы выявить фальшивость. Ошитсунэ Венди не признавала и четко разделяла своего друга на два — его настоящего и не его вовсе. Волчонок научилась далеко не всему, но старалась помнить слова своей сестры.

Иногда Эйдан всё ещё мог возвращаться, но это подобно блику в темноте или пчеле в цветочном поле. Можно очень стараться, но крошечному лучу мрак не осветить, а пчеле не опылить всё поле. Успокаивало то, что после “Цветения” уже Ошитсунэ предстояло быть тенью в яркой комнате, постепенно поглощая всё больше и больше пространства. И так до самого следующего “Цветения”, пока Эйдан не станет лучом в тёмной комнате. А потом всё по кругу.

— Ладно, допила? Тогда поспешим, нужно идти.

Жучок достал из кармана свой медальон, через который нырял в Невесть за пределами своей комнаты. Тесс никогда его не открывала и не смотрела, потому что знала — что за синими листами, что в медальоне — неизвестность, в которую лучше не всматриваться. Иногда лучший выход — закрыть глаза и ждать.

— Но! Но... я думала мы походим немного. Осмотримся.

— Да ну, — Жучок закатил глаза вверх, — ты это серьёзно? Лесов своих не хватает?

— Это же другое! Там один щебет и стрекотание, даже запах другой. А здесь видишь, как небо сквозь салатовые деревья просвечивается? Решёткой. Может, это фантазия так расщекоталась, но я вижу разные силуэты из веток. Такое нельзя пропускать, ни тебе, ни мне, ни тем более нам!

Тесс не умела точно читать взгляды, но показалось, что собеседник был не против. Они оставили флайо и решили пройтись по одной из аллей.

— И всё же как? Не может же сейчас материк быть таким зелёным, а?

— Может быть сложно воспринять. Тебе точно нужно?

— Ну интересно же! Я никогда из осени в весну ещё не ныряла.

Эйдан повернулся к ней и будто приценивался: поджал губы, прищурился и, в конце концов, как-то хитро улыбнулся.

— Давай я тебе скажу так... есть несколько Виоландо. Как есть, честно. Их несколько, и мы сейчас на соседнем, а не родном. Смекаешь?

— То есть как это? Как будто виноградины в ряд?

— Нет, они находятся друг над другом.

— Тогда как вишенки на шпажке?

— Вот это теплее. Нет, даже горячо, молодец! Восемь вишенок, что вертикально висят на шпажке. Представляй это так, да. Да. Лучше этого ты объяснений не найдёшь, поверь.

— И они отличаются между собой?

— Относительно. Местами нет, местами обкошмаришься, насколько сильно. Здесь вот весна, как заметила, а у нас дома осень. Здесь чай снова появляется в чайнике, а у нас дома этого чайника, скорее всего, вообще не существует.

— Ты это всё выдумал, чтобы на реакцию посмотреть, да?

— Не представляешь, как бы я хотел покивать, — лукаво улыбнулся Эйдан. — Но увы.

Даже если это и было правдой, тайфуна внутри это не вызвало. Сложно оценить масштаб триллиона, пока не увидишь его воочию, сложно понять страх темноты средь бела дня и максимальную глубину океана, гуляя босиком по лесу. Так было и здесь. На наличие нескольких Виоландо Тесс отреагировала так же, как если бы ей сказали, что на неизвестной планете есть целая сотня лун. Счастья им тогда, лунам. Счастья и здоровья. Но какой же красивой была весна в этом месте! Удивительно, словно природная сетка и целая картина из двух цветов — цвета неба и цвета деревьев.

Тесс чувствовала себя одним из опавших листочков, залитых этим благородным салатовым цветом. А если остановиться и медленно начать крутиться вокруг своей оси, то всё превращалось в сплошную зелёную полосу!

Лишь чёрный блик мелькнул сбоку, словно промчался черным огоньком за столбами. Волчонок была уверена, что ей не померещилось. Они шли дальше — Тесс с раскинутыми в стороны руками, а Эйдан держа их в карманах штанов.

— Такое место! Ты же путешественнее всех на свете, знаешь? Если Невесть ведёт в такие места, то у Ская появился достойный соперник.

— Я комнатосед. Где бы ни оказался, меня тянет обратно в мою клетку, а любое приключение начинается с мысли: "Ну когда уже обратно?". Так что да, я мог бы стать величайшим из путешественников. Но стал самым безнадёжным из них.

Тесс подняла голову, чтобы увидеть небесный узор снова, и это спасло им жизнь.

— Мамочки!

Морда огромного создания оказалась прямо над ними. Оранжево-белое, как мандарин на снегу! Злобное, но завораживающее и величественное существо летело на них сверху, тарана высокие ветки, и уже раскрыв свою пасть. Оно не зарычало, но издало звук, который Тесс никогда до этого в своей жизни не слышала и даже не догадывалась, что хоть кто-то может так звучать. Зубы уже почти касались их голов, челюсть вот-вот должна была сомкнуться, но рука Тесс машинально поднялась вверх и дала волю аромату. Движения существа стали чрезвычайно медленными, словно оно застыло прямо над макушкой — теперь челюсть двигалась не как молниеносная ловушка, а как солнце, которое садилось за горизонт — медленное и почти неподвижное, но на деле оно ни на секунду не замирало на месте.

